

The image features a map of Australia and New Zealand. A large, textured red shape covers most of the Australian continent, with a golden hammer and sickle symbol and a five-pointed star in the upper left portion. The background is a faded map with Cyrillic labels for various locations and regions. The text 'ЮРИЙ АРТЕМОВ' is positioned to the left of the main title, separated by a vertical dotted line.

ЮРИЙ
АРТЕМОВ

РУССКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
В АВСТРАЛИИ
И СЕТИ
ШПИОНАЖА

Юрий Артемов

**Русская революция в
Австралии и «сети шпионажа»**

«Алетейя»

2017

УДК 355.40(47)
ББК 67.401.212

Артемов Ю.

Русская революция в Австралии и «сети шпионажа» /
Ю. Артемов — «Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906910-36-3

Это рассказ о людях с необычной судьбой – первом советском консуле в Австралии Петре Симонове и резиденте советской разведки полковнике Владимире Петрове. В их жизни тесно переплелись бунтарство, шпионаж, дипломатия, большие надежды и не меньшие разочарования.

УДК 355.40(47)
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-906910-36-3

© Артемов Ю., 2017
© Алетейя, 2017

Содержание

От автора	6
Судьба первого консула	8
Убийство в Ривертоне	11
Солдат, бухгалтер, растратчик, беглец	15
Эмигрант становится большевиком	17
Против Абазы	22
Рудокопа в консулы	27
Муравьев из лагеря Сомс	30
«Правительство не может признать...»	32
Групповцы и симоновская красная гвардия	35
Под красным флагом	38
«Кое-что из моего тюремного опыта»	44
«Я работал главным образом нелегально»	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Юрий Артемов
Русская революция в
Австралии и «сети шпионажа»

© А. Ю. Рудницкий, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

* * *

От автора

Это рассказ о необычных судьбах людей, которые оставили свой след в истории России и Австралии. В их жизни тесно переплелись бунтарство, шпионаж, дипломатия, большие надежды и не меньшие разочарования, беззаветная преданность своему делу и бессовестное предательство, цинизм и идеализм, бескорыстие и корыстолюбие.

Первый советский консул в Австралии Петр Симонов на первый взгляд совершенно не похож на полковника госбезопасности Владимира Петрова. Однако имелось у них кое-что общее. Они вышли из социальных низов и выбились в люди благодаря тем переменам, которые произошли в России после 1917 года. Их вынянчила Русская революция и воспитало рожденное революцией государство. Они служили ему исправно и преданно, расширяя его горизонты и распространяя его влияние на далеком пятом континенте.

«Экспансия» – ключевое слово к тому, что делали Симонов и Петров. Первый добивался того, чтобы Австралия влилась в мощный поток мировой революции. Второй продвигал советские интересы, осуществляя разведывательные операции. Один – убежденный идеалист и романтик, другой – приземленный прагматик.

Оба стали героями сенсационных разоблачений и громких судебных процессов. Оба способствовали росту в австралийском обществе недоверия и подозрительности к СССР и России.

Симонов эмигрировал в Австралию в 1912 году, зарабатывал на хлеб тяжелым трудом. Затем примкнул к группе эмигрантов-большевиков и в 1918 году стал «красным консулом». В дипломатии видел, прежде всего, инструмент революционных преобразований и пропаганды. Убеждал австралийцев в преимуществах советского социализма и нес им «правду» о большевистском строе. Поднимал русских и австралийских рабочих на борьбу за социальное освобождение. Создавал Коммунистическую партию Австралии. Отсидел срок в австралийских тюрьмах. Был честен, наивен, верил в светлое будущее и расплатился за эту веру.

Петрову на светлое будущее было наплевать. Его заботили личная карьера, собственное благополучие, а служба в «органах» давала отличные возможности добиваться желаемого. Проработав в Австралии три с лишним года (с 1951-го по 1954-й), он пошел на сотрудничество с местной службой безопасности, устроив один из самых громких шпионских скандалов в истории советской разведки.

В биографиях Петра Симонова и Владимира Петрова хватает неожиданных поворотов и острых коллизий, которые могли бы лечь в основу не одного детективного или приключенческого романа. Притягивает историческая канва – ведь речь идет о событиях, происходивших в переломные периоды российской истории. Дипломатическая деятельность Симонова приходится на первые годы после Октябрьской революции, когда рождалось государство пролетарской диктатуры. Петров работал в советском посольстве в Канберре в последние годы сталинского режима и в первые месяцы оттепели. Происходившие перемены по-своему воспринимались в австралийском контексте и отражались на поведении героев этой книги. Их жизнь безумно интересна. Остается лишь гадать, почему до сих пор российские исследователи проявляли завидное равнодушие к консулу Симонову и полковнику Петрову. Конечно, в советскую эпоху многое останавливало. Симонов не был образцовым дипломатом ленинской школы, а писать о перебежчиках было вообще немислимо. Доступ к архивам был практически закрыт. Но даже когда его открыли (увы, не полностью), исследователи так и не собрались заняться изучением этих любопытнейших персонажей. А вот австралийские историки о Владимире Петрове писали много и с удовольствием. Тема советского (русского) шпионажа в этой стране – излюбленная. Петрову посвящены книги, статьи, кинофильмы. Не обошли своим вниманием австралийцы и Симонова. Однако рассказано далеко не все.

Приступая к работе над книгой, автор старался избегать таких штампов, как «пламенный революционер», «настоящий большевик», «дипломат ленинской школы», «предатель родины» и пр., которые прижились в отечественной историографии и публицистике патриотического, или, скорее, псевдопатриотического толка. Бездумно осуждать или восхвалять людей прошлого, ставших заложниками обстоятельств, проще, чем разбираться в подлинных мотивах их действий, их мечтах, надеждах, свершениях и разочарованиях. Автор надеется, что рассказ об этих людях не оставит читателя безучастным.

В книге широко использованы материалы Архива внешней политики РФ (АВПРФ), многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Автор выражает глубокую признательность старшему советнику АВПРФ Е. И. Гусевой и другим сотрудникам архива, оказавшим ему помощь в поиске документов.

Судьба первого консула

Петр Симонов – незаслуженно забытая фигура в истории советской дипломатии. Он принадлежал к той когорте ниспровергателей старого порядка, которые после Октябрьского переворота 1917 года взялись по-новому вершить внешнюю политику, рассчитывая переделывать весь мир. Это были люди, умевшие рисковать и принимать самостоятельные решения для достижения великой цели. Целью была мировая революция.

Судьба их чаще всего складывалась драматично. Большевистский романтизм не сочетался с логикой международных отношений, и советское государство вскоре отказалось от услуг этих идеалистов, принявшись строить социализм в отдельно взятой стране. В своих зарубежных связях оно все больше опиралось на вымуштрованных чиновников, предпочитавших во всем полагаться на мнение начальства.

В трехтомном «Дипломатическом словаре», вышедшем в свет в 80-е годы прошлого века, есть статья, посвященная Симонову. Ее содержание мало в чем соответствует действительности. «Петр Фомич Симонов... Активный участник революционного движения в России, советский дипломат. В 1918 – генеральный консул РСФСР в Мельбурне (Австралия). На этом месте поддерживал соответствующие общепризнанным принципам и нормам международного права связи с демократическими организациями страны, что, тем не менее, было использовано местными властями в качестве надуманного предлога для привлечения С. к суду, который приговорил его к году каторжных работ. В 1920 – генеральный консул РСФСР в Сиднее... В 1921–22 – на ответственной работе в центральном аппарате НКВД РСФСР...»¹.

Начнем с того, что Симонов не был активным участником революционного движения в России и к революционерам примкнул только в Австралии, в эмиграции. В должности консула он не следовал «соответствующим общепризнанным принципам и нормам международного права» и не поддерживал связей с демократическими организациями. С левыми, радикальными организациями – да, поддерживал. С социалистами, коммунистами и с «этими проклятыми уоббли» (*“those damned wobblies”*), членами IWW, или ИРМ – «Индустриальными рабочими мира». Это была боевая группировка рабочего класса, которую ненавидели добропорядочные буржуа, а советская идеология клеймила за анархо-синдикализм. В тюрьме Симонов побывал, но провел в ней гораздо меньше года. На родине благодарности не дождался, ответственной работы в центральном аппарате Народного комиссариата по иностранным делам (НКВД) не получил. Должность предоставили жалкую, плохо оплачиваемую и совсем не дипломатическую. Бывшего консула не хвалили, не поощряли, его знания и опыт остались не востребованными.

Вольно обошелся с фактами и российский посол в Австралии В. Н. Морозов. По его словам, Симонова в Австралию «направила Москва», однако «официальная Канберра отказалась принять его верительные грамоты»². Во-первых, верительных грамот он не вручал и вручать не пытался, поскольку их у него отродясь не было. Кстати, позволим себе съехидничать: «официальная Канберра» в то время не существовала, федеральной столицей страны до 1927 года считался Мельбурн. Во-вторых, Москва Симонова никуда не направляла. Он приехал в Австралию задолго до революции, в 1912 году – в массе других эмигрантов.

До прибытия на пятый континент личные достижения Симонова представлялись весьма скромными. Освоил азы бухгалтерского дела, пописывал в газетах, но ни финанси-

¹ Дипломатический словарь. Т. 3. М., 1986. С. 37–38.

² Интервью посла России в Австралии В. Н. Морозова газете «Единение» о 70-летию установления дипотношений между Россией и Австралией // <http://www.unification.com.au/articles/read/1530/>.

стом, ни журналистом толком себя не проявил. Австралия многое для него изменила. Там он приобрел знания, позволившие ему всерьез заняться политической и журналистской работой. Пример того, чего может добиться самоучка. Освоил английский – свободно изъяснялся и писал на этом языке. Стал одним из лидеров русской эмиграции и австралийского революционного движения.

Он мог бы сделаться хорошим дипломатом, но, назначив его на консульскую должность, большевистское правительство о Симонове вскоре благополучно забыло. Когда он напоминал о себе, от него отмахивались, как от надоедливой мухи. Внимание уделяли лишь тогда, когда поступали многочисленные доносы от его недоброжелателей.

Ему так и не удалось убедить НКВД в важности своей революционной и дипломатической деятельности в Австралии, в том, что эта страна интересна и важна для России. Между тем, далекий британский доминион (официальное название Австралийское Содружество, или Австралийский Союз³) с населением около пяти миллионов человек к началу XX века уже играл заметную роль в мировой экономике и политике, да и в разных войнах поучаствовал, включая Первую мировую. По всему его не следовало сбрасывать со счетов, в чем, кстати, отдавало себе отчет правительство царской России. До 1917 года на пятом континенте имелось российское дипломатическое представительство, которое возглавлял генеральный консул, развивалась двусторонняя торговля. Однако у руководителей НКВД было свое мнение.

Не было другого такого дипломата, как Симонов, который три с половиной года пробыл на своем посту, не располагая никакими официальными документами, подтверждавшими его статус. Приказ первого наркома иностранных дел РСФСР Л. Д. Троцкого о его назначении не сохранился. До Австралии дошла только отправленная из Лондона телеграмма советского представителя в Великобритании М. М. Литвинова, извещавшая Симонова об этом назначении⁴. Но австралийское правительство Симонова не признало и консульской экзекватурой⁵ не побаловало. Сам он в зависимости от обстоятельств называл себя то консулом, то генеральным консулом, то просто – представителем Советской России.

НКВД ничем не подкрепил легитимность положения Симонова, не заботился о нем, словно его и не было. Когда в Лондоне арестовали Литвинова, Москва тут же занялась его освобождением. Литвинова обменяли на организатора «заговора послов» Брюса Локкарта. Чтобы освободить Симонова, Наркоминдел палец о палец не ударил.

Его воспринимали как досадное недоразумение. Обосновался на отшибе, в стране, регулярную связь с которой было поддерживать крайне сложно. Среди первых представителей советской власти за рубежом (А. А. Иоффе и Ю. Ларин в Германии, В. В. Воровский в Швеции, Л. К. Мартенс в США и М. М. Литвинов в Англии) он смотрелся белой вороной. Не был близок к руководству большевистской партии, полезными контактами не располагал. Толком его никто не знал. Чертик из коробочки, *deus ex machina*.

Специалист по истории российско-австралийских отношений А. Я. Массов пишет: «Попытка Советского правительства назначить в начале 1918 г. своего генерального консула – П. Ф. Симонова – оказалась неудачной. Австралия отказывалась иметь какие-либо отношения с Советским правительством»⁶. Это не совсем так. Австралийские власти действительно с определенным (и вполне понятным) недоверием отнеслись к представителю «красных», выступившему в роли дипломата, однако не отказывались от сотрудничества.

³ Australian Commonwealth (англ.).

⁴ АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 6, л. 2.

⁵ Документ, подтверждающий согласие правительства страны на назначение консула.

⁶ Массов А. Я. Деятельность русских консулов в Австралии по защите интересов российских подданных и иммигрантов (1857–1917 гг.) // http://www.ojkum.ru/arc/lib/2011_01_07.

Симонова принимали федеральный премьер, министры, члены парламента. Но Москва не воспользовалась шансом для развития отношений с Австралией.

Вплоть до своего отъезда с пятого континента Симонов не получил из Москвы ни шиллинга, ни пенса. Между тем, исполнение консульских обязанностей было сопряжено с немалыми расходами. Надо было помогать соотечественникам, вести переписку с официальными и частными лицами, встречаться с людьми, принимать их достойным образом, совершать поездки по стране. Приходилось зарабатывать журналистикой, брать займы. Симонов жил впроголодь и все средства, которые ему удавалось добыть, тратил не на себя, а на дела консульские, на защиту интересов советского государства, для которого он как бы не существовал.

Самое удивительное, что, несмотря на голодный паек и отсутствие поддержки со стороны Москвы, Симонов сделал многое. Договорился о репатриации русских эмигрантов, мечтавших вернуться на родину. Наладил контакты с австралийским правительством. Подготовил почву для возобновления двустороннего торгово-экономического взаимодействия, прерванного после октября 1917 года. Издавал газету, писал статьи, брошюры, формировавшие в австралийском общественном мнении позитивный образ Советской России. Сотрудничал с профсоюзами, социалистическими организациями, лейбористами. А еще революцию в Австралии готовил, создавал там Коммунистическую партию. Вот уж действительно, если перефразировать известного писателя, необыкновенная биография в необыкновенное время.

Почему советско-австралийские отношения приостановили в начале 1920-х годов и работа консула Петра Симонова была фактически перечеркнута? Постараемся разобраться в происшедшем и познакомить читателя с личностью этого человека, его деятельностью — он этого заслуживает.

Убийство в Ривертоне

Начнем с трагического события, случившегося 21 марта 1921 года в захолустном городишке Ривертон, штат Южная Австралия.

Это были тяжелые дни. Тысячи людей оплакивали Перси Брукфилда. Он был любимцем рабочего класса, его боготворили неимущие и обездоленные, чьи права он отстаивал азартно и яростно, как никто другой. Его редко называли «Перси», для всех он был «Джеком». Работяги предпочитали это имя – простонародное, без намека на аристократизм. Еще его ласково величали «Бруки». Свой парень, отчаянный малый, на которого всегда и во всем можно положиться. Его трудно было отличить от свэгмена, поденного рабочего, скитавшегося по стране с заплечной котомкой-свэгом и перебивавшегося случайными заработками. Видный лейборист, член парламента, Бруки никогда не задавался перед шахтерами, стригалиями или фермерами.

Он оставался верен своей партии, но дружил и с крайними левыми, включая ненавистных властям коммунистов и уоббли. Брукфилд приветствовал Русскую революцию и с сочувствием наблюдал за социалистическим экспериментом в России.

Всю страну потрясла эта трагедия. На железнодорожной станции мужчина открыл беспорядочный огонь из автоматического пистолета по людям, ожидавшим поезда. Среди них были старики, женщины, дети. Полицейских оторопь взяла, они даже не попытались обезоружить стрелка. Четверо уже были ранены, когда Брукфилд бросился на негодея.

Он был человеком огромного роста, широкоплечим, физически сильным. Но оружия у него не было. Бруки получил четыре пули, пока не упал замертво. Тем временем стражи порядка пришли в себя и скрутили убийцу.

Тысячи людей встречали поезд, доставивший в шахтерский город Брокен-Хилл гроб с телом Брукфилда. Пели «Красное знамя» – боевой гимн профсоюзов и лейбористов. Траурная процессия растянулась на две мили. На время церемонии похорон прекратили работу почти все фабрики и заводы Австралии.

Среди тех, кто пришел проститься с Джеком, выделялся невысокий худощавый человек, одетый опрятно, но чрезвычайно скромно, даже бедно. Советский консул Петр Симонов. Видавший виды костюм выглажен, стоптанные башмаки начищены. Лицо осунувшееся, усталое.

Симонов близко знал Перси. Они познакомились в Брокен-Хилле лет семь-восемь тому назад, вместе вкалывали на горных разработках. Был еще третий друг – Майкл Консидайн. Они настолько сдружились, что были не разлей вода, их прозвали «Брокен-хилловской тройкой». Конечно, Майк тоже пришел на похороны. Лучше него и Бруки товарищей у Симонова не было. Они не раз выручали его, вытаскивали из тюрьмы, ссужали деньгами.

Случившееся в Ривертоне стало для Симонова огромным потрясением. Он утратил одну из самых надежных опор в жизни. Вот уже больше трех лет он выполнял консульские обязанности, не получая из Москвы ни денег, ни слова поддержки или поощрения. В Народном комиссариате иностранных дел, советском внешнеполитическом ведомстве, о нем словно забыли. Хотя он не раз напоминал о себе...

Сколько было сделано для того, чтобы отправить на родину сотни русских эмигрантов, жаждавших принять участие в строительстве светлого будущего. Сколько сил отдано пропаганде идей Октября. Симонов воспевал достижения Советской России, ходил на демонстрации с австралийскими и русскими рабочими, стоял в пикетах, участвовал в стачках, не пасовал перед угрозами властей.

Но сейчас он на пределе. Бывшие соратники обвиняют его в коррупции и стяжательстве, строчат доносы, которые ложатся на стол советскому наркому Чичерину и его заме-

стителю Карахану. Посмотрели бы, в какой бедности живет Симонов. Небольшие средства, поступающие от выдачи паспортов и распространения бюллетеня «Советская Россия», тут же уходили на оплату типографских услуг, на помощь неимущим соотечественникам. Если бы не австралийские товарищи, такие как Брукфилд или Консидайн, он бы ничего не добился.

Многие из пришедших на похороны знали, что Симонов – русский. Со многими он хорошо знаком. Вместе прошли через тяжелые испытания. И, тем не менее, на него бросали косые взгляды. Все знали, что Бруки застрелил эмигрант из России...

Герман Тамаев в действительности был не русским, а осетином, но Симонов не считал возможным ссылаться на этот факт. Причина заключалась не только в том, что для австралийцев все выходцы из Российской империи были русскими, и убеждать их в том, что они отличаются от осетин или, скажем, от татар, было бесполезно. Симонову претило заострять внимание на этнических различиях внутри российской общины. Опуститься до этого было бесчестно, недостойно его как человека и советского представителя.

Тамаев жил в Брокен-Хилле. Диаспора там насчитывала несколько тысяч человек, в основном селившихся в районе Бэрриер. Осетин среди них было около двухсот. Любые намеки на происхождение Тамаева могли быть истолкованы как попытка возложить на них коллективную ответственность за смерть Брукфилда. Поскольку подобные попытки делались со стороны некоторых русских, Симонов написал письмо главному редактору газеты «Бэрриер Дэйли Трус» (*“Barrier Daily Truth”*):

«Зная о моей дружбе с покойным товарищем Джеком Брукфилдом, вы не должны сомневаться, что я скорблю о его безвременной кончине не меньше, чем кто-либо еще. Именно поэтому я не хочу, чтобы из-за этого пострадали другие люди – за исключением того, кто повинен в смерти товарища Брукфилда.

Я получил несколько писем из Брокен-Хилла, в которых говорится о том, что некоторые русские представляют Германа Тамаева не русским, а осетином, создавая впечатление, что все осетины – какие-то преступники, или, по крайней мере, дурной народ, не имеющий ничего общего с другими русскими...

Нельзя забывать, что Россия расположена на двух континентах, европейском и азиатском, и ее население состоит из около сотни различных национальностей, хотя славянское население преобладает. Нужно учитывать и то, что в то время, как прежнее империалистическое правительство России, как и все империалистические правительства, подвергало дискриминации некоторые национальности бывшей Российской империи, нынешнее правительство России рассматривает представителей всех рас и национальностей равноправными гражданами Федеративной республики.

Вот почему, как бы я ни был возмущен трагическим происшествием с товарищем Брукфилдом, я считаю совершенной трусостью инсинуации со стороны этих русских насчет преступного характера осетин Брокен-Хилла... только лишь потому, что этот подлый мерзавец – один из них. Я считаю его русским, но вместе с тем исхожу из того, что ни один здравомыслящий человек не станет обвинять в случившейся ужасной трагедии всех русских в Австралии... Преступления происходят каждый день... и в основе их лежат причины индивидуальные и социальные, а не национальные».⁷

Австралийская пресса окрестила Тамаева «выжившим из ума русским, совершившим чудовищное нападение на пассажиров экспресса, направлявшегося из Брокен-Хилла в Аделаиду». Трудно судить, было это клиническим случаем или проявлением идеологического экстаза.

⁷ АВПРФ, ф. 65, оп. 3, п. 1, д. 1, л. 2.

Герман Тамаев свихнулся на почве коммунизма. Его квартира была увешана фотографиями Ленина, Троцкого, лидеров ИРМ. На стене красовался транспарант «Да здравствует Федеративная индустриальная социалистическая российская республика». Возможно, ему взбрело в голову, что лейборист Брукфилд компрометировал рабочее движение. Хотя Джек так много делал для защиты прав трудящихся...

По другой версии Тамаев переживал из-за смерти своего друга и в расстреле мирных обывателей надеялся найти лекарство против депрессии. Подозревали, что его наняли враги Брукфилда. Промышленников и финансовых воротил, возмущавшихся радикализмом этого защитника рабочих и мечтавших свести с ним счеты, хватало. По словам Консидайна, Тамаеву заплатили 100 фунтов, и он подтвердил это под присягой на допросе в ривертонской полиции. Однако в ходе дальнейшего расследования этот факт не упоминался.

Если Брукфилда «заказали», то это был изощренный план убийства. Открыть стрельбу по обычным гражданам в расчете на то, что Бруки кинется им на помощь. Тамаев сказал, что пострадавших ему совсем не жаль.

Симонов был обескуражен и подавлен. Гибель Брукфилда он воспринял как знак судьбы. Друзей почти не оставалось. Все говорило о том, что ему пора покинуть Австралию. Но как не хотелось! Он не мог понять, почему все его старания наталкивались на равнодушное, даже враждебное молчание Москвы. Неужели там сомневаются в его порядочности? Из-за кляузников? Откуда столько завистников среди эмигрантов, обвинявших его во властолюбии, тщеславии, жажде обогащения. Да он беден как Лазарь! Ютится в жалкой съемной квартирке и нормально поесть удается не каждый день. А доносчики выставляют его мошенником и хапугой, и он вынужден оправдываться... Как все-таки несправедлив мир.

Пройдет пять месяцев после убийства Брукфилда и Симонова отзовут в Москву. По его мнению, это было громадной ошибкой. Планы по развитию отношений с Австралией откладывались на неопределенный срок. Он ведь старался не для себя, а для родины, для оставшихся на пятом континенте русских рабочих и их австралийских товарищей, которые надеялись на сближение с государством победившего социализма.

Правда, что собой представляет это государство, Симонов толком не знал. Россию он покинул почти десять лет назад, а в Советской России не был никогда. Сведения о том, что там творится, брал из выступлений Ленина, Троцкого и прочих большевистских вождей, из материалов советских газет, которые перепечатывала британская, австралийская и американская пресса. Почерпнутая оттуда информация позволяла вести пропагандистскую полемику с «империалистами и их лакеями», доносить до трудящихся масс величие достижений большевиков. Симонов искренне верил, что советская власть – лучшее из того, что придумало человечество. И все же предстоявшее свидание с этой властью его тревожило.

В ненастный сентябрьский день 1921 года он стоял на палубе парохода, следовавшего из Стокгольма в Ригу. Оттуда прямой путь в Москву. Думал о том, как его примут в наркомате, как сложится судьба. Ему оказали содействие в организации возвращения. В Риме душевно принимал В. В. Воровский, в Стокгольме – П. М. Керженцев. Это не последние люди в НКВД – красные полпреды, лично знакомые с Лениным. Предупрежден о его приезде и Я. С. Ганецкий, торгпред в Латвии. Ему поручено встретить Симонова и посадить его на поезд до Москвы. Но сомнения все равно грызли душу.

Георгий Васильевич Чичерин, возглавивший наркомат в феврале 1918 года, мог предвзято отнестись к нему как к ставленнику Троцкого. Откуда ему было знать, что Симонова с Троцким ничего не связывало, он понятия не имел, кто посоветовал тогдашнему главе НКВД поставить на дипломатическую должность безвестного эмигранта. Может, товарищ Артем, Федор Андреевич Сергеев⁸, вожак русских «политических» в Австралии? Вполне

⁸ Сергеев, Федор Андреевич (1883–1921). В эмиграции в Австралии находился в 1911–1917 годах.

вероятно. В России он сделался членом Центрального комитета РКП (б), коммунистической партии большевиков, и пользовался заслуженным влиянием. Только правды уже не узнать. Два месяца назад, 24 июля, Сергеев вместе с группой делегатов III Конгресса Коминтерна погиб в катастрофе аэровагона – новейшего транспортного средства, построенного сумасшедшим изобретателем. Этот конструктор сыграл злую шутку с Симоновым, ведь он рассчитывал на покровительство Артема.

Кто еще замолвит за него словечко? Новый нарком недолюбливал Троцкого, который разрушал внешнюю политику, тогда как он, Чичерин, эту политику создавал и укреплял. А Литвинова, сообщившего Симонову телеграммой в 1918 году о его назначении, нарком вообще терпеть не мог. Хотя Литвинов сделался его заместителем, они были на ножах, поносили друг друга в ЦК и Политбюро. Слухи об этом доходили даже до Австралии.

Решение об отзыве Симонова в конечном счете принимал Чичерин, это ясно. Не ответил ни на одно его письмо! Хотя нет, на одно ответил, но какой-то странный был ответ... От его имени, но без подписи. Словно по недосмотру черновик в конверт запечатали. Может, руководитель советской внешней политики не нуждался в таком дипломате, как Симонов. И Австралия его не интересовала.

На Литвинова тоже не опереться. Он, похоже, забыл о своей телеграмме, которая перевернула жизнь Симонова. Керженцев показал другую телеграмму замнаркома, отправленную из Москвы в Стокгольм. В ней говорилось, что никакого советского консульства в Австралии НКВД не признает. Как же так? Выходит, Симонов – самозванец?

В своих раздумьях он невольно возвращался к началу своего пути, к тем событиям, которые привели его в Австралию. Именно там он проникся революционными идеями, поверил в социализм, стал большевиком, а затем – большевистским консулом. Пусть непризнанным. Все равно, это был его звездный час, лучшие годы, то, ради чего стоило жить.

Солдат, бухгалтер, растратчик, беглец

Петр Фомич Симонов родился 8 (21) июня 1883 года в деревне Новые Яблоньки Хвалынского уезда Саратовской губернии, в мордовской семье. Происхождения был с большевистской точки зрения вполне подходящего – из крестьян, однако политической деятельностью до отъезда в эмиграцию практически не занимался.

У него были два брата, след которых после революции и Гражданской войны затерялся. «До 1916 года, – писал он в анкете НКВД, – были в Хвалынске, с тех пор о них ничего не знаю»⁹.

Семья Симонова не была особенно нуждающейся и могла дать детям образование. Петр занимался в сельской школе, затем с частным преподавателем и поступил в саратовскую гимназию. Проучившись шесть классов, окончил ее экстерном.

Зарабатывать начал в 11 лет – рабочим на котельном заводе, но не прекращал учебы. Держал экзамен на счетовода, потом устроился бухгалтером в нефтепромышленную фирму в Баку. В письме, которое Симонов в июне 1921 года написал видному шведскому социалисту и основателю Коммунистической партии Швеции Ф. Стрёму, говорилось, что эта фирма принадлежала братьям Нобель¹⁰. Там он проработал четыре года.

В августе 1904 года Симонов пошел в армию. Немаловажное замечание – в качестве вольноопределяющегося, как гражданин с образованием, имевший право на сокращенный срок службы (два года). Начав с рядового, дослужился до прапорщика¹¹, но военная карьера оборвалась довольно скоро. Причиной, по утверждению Симонова, была его революционная деятельность. Заполняя анкету, он туманно упомянул о своей «работе в РСДРП», которая привело к его аресту в 1905 году по обвинению «в военной пропаганде» (очевидно, имелась в виду антивоенная пропаганда)¹². Однако в другой части анкеты говорилось, что до вступления в РКП (б) в 1921 году ни к каким партиям Симонов не принадлежал.

Исключением было его членство в Коммунистической партии Австралии (КПА), носившее фактический, но не формальный характер. Сам Симонов объяснял это так: «Билета я не имел в виду того, что я принадлежал нелегально, т. к. будучи консулом, было немисливо быть открыто»¹³.

Что касается «работы в РСДРП», то трудно судить о том, что именно она собой представляла и имела ли она вообще место. Насколько существенной была «военная пропаганда»? Если она дала основания для ареста, и этот арест произошел, то наказание для тех лет представляется необычно мягким – перевод в Елисаветград. Не в Сибирь, а в центр Украины, в город вполне приличный, экономически и культурно развитый. Не хуже Баку. Странное решение для военного суда, который с младшим офицером мог и обязан был поступить более сурово. В стране бушевала революция, и правящий режим с инакомыслящими не церемонился.

Нельзя исключать, что эпизод с революционной пропагандой и арестом являлся если не выдуманным, то несколько приукрашенным – с целью придать анкетным данным нужный идеологический оттенок. Можно ли за это упрекать Симонова? Слишком жестокой и безжалостной была советская бюрократическая система, которая могла прицепиться к любым

⁹ АВПРФ, ф. 51б, оп. 1, п. 68, д. 2942, л. 3.

¹⁰ АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 7, л. 16.

¹¹ АВПРФ, ф. 51б, оп. 1, п. 68, д. 2942, л. 11.

¹² Там же, л. 17.

¹³ Там же, л. 3.

мелочам в биографии. Вот еще пример. Только в самой первой своей анкете в графе «национальность» он записал себя мордвином¹⁴. Во всех последующих именовал русским¹⁵.

Но вернемся к событиям, последовавшим за арестом и переездом в Елисаветград. В 1906 году Симонов демобилизовался и вернулся к бухгалтерской деятельности. Если исходить из материалов личного дела, это произошло уже за пределами России, в Харбине. В 1906–1908 годах – служба в некоей компании «Кваристрем и К», в 1908–1910 годах – в одном из харбинских банков¹⁶. Однако эта информация противоречит данным, которые Симонов приводил в письме Ф. Стрёму и которые видятся более правдоподобными. По всей вероятности, в общении со шведским социал-демократом Петр Фомич был более искренен, а затем спохватился, сообразив, что не все следует знать чиновникам наркомата.

Стрёму он признался в том, что вплоть до 1912 года России не покидал и работал в Хабаровске – управляющим издательского товарищества «Приамурье». Оно выпускало ежедневную газету – «обыкновенную с прогрессивными тенденциями, по образу милюковской „Речи“»¹⁷. Эта деятельность была прервана досадным инцидентом. Когда главный редактор угодили в тюрьму (причиной послужила статья, освещавшая махинации одного из местных воротил), исполнять его обязанности взялся Симонов. После освобождения шефа в начале 1912 года, на Крещение, Петр Фомич представил ему полный финансовый отчет, однако в кассе не хватало наличности – 400 или 450 рублей. Эту недостачу Симонов восполнил предъявлением векселя на указанную сумму, подписанного «одним знакомым деловым человеком», который «не мог отказаться от уплаты указанного векселя». Вроде бы дело уладилось, но в скором времени его задержали и взяли под стражу. Произошло это во Владивостоке. Симонову удалось добиться освобождения под подписку о невыезде, но предписание было им нарушено и он покинул Россию¹⁸. Вот тогда и перебрался в Харбин.

В Китае пробыл недолго. Причин, заставивших его отправиться совсем в дальние края, мы не знаем. В том же 1912 году переехал в Японию, затем на Филиппины, а оттуда – в Австралию.

Историю эту можно интерпретировать по-разному и не обязательно в пользу Симонова. По существу, он бежал, причем не из-за политического, а из-за уголовного преследования.

Его доавстралийскую биографию сложно квалифицировать как чистую и незапятнанную. Неясности налицо. По всей видимости, революционером он не был, а вел обыкновенную жизнь мелкого служащего. Получил образование, отслужил в армии, проштрафился, но избежал серьезного наказания, трудился в частных компаниях, запутался в финансовых расчетах и вынужден был распротиться с Россией.

Симонов не был положительным героем без страха и упрека. Такие появляются на страницах романов, а в жизни редко встречаются. Но что с того? Реальные люди со своими слабостями, недостатками намного интереснее тех картонных фигур, которых советские авторы изображали в книжках из библиотечки «Пламенные революционеры». С подмоченной биографией туда было не попасть. Хотя, в конце концов, Симонов и впрямь стал пламенным революционером, и особенности его личности делают эту метаморфозу весьма впечатляющей.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, л. 16.

¹⁶ Там же, л. 24.

¹⁷ АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 7, л. 12.

¹⁸ Там же, л. 14–15.

Эмигрант становится большевиком

Австралия была быстро развивающимся аграрно-индустриальным государством, куда стремились переселенцы из многих стран Европы. Огромная территория – целый континент! – возможности найти работу в сельском хозяйстве и промышленности (правда, преимущественно это был тяжелый физический труд), парламентская демократия, обеспечивавшая высокий уровень гражданских свобод. Австралия славилась как страна для рабочих, ее называли «раем для рабочего класса». Определенное преувеличение, но трудящимся там жилось лучше, чем в Великобритании или США. Ну, а про Россию и говорить нечего.

Австралийское общество поначалу формировалось за счет иммиграции из метрополии (Великобритании), но с конца XIX века англосаксонскую социально-этническую основу начали постепенно разбавлять приезжие из Германии, Италии, других европейских стран, а также из России. Число российских граждан, которые уезжали на пятый континент, мечтая о лучшей жизни, быстро росло. Если в 1891 году русских в Австралии было 2881 человек (под эту категорию попадали практически все выходцы из Российской империи, вне зависимости от своей этнической принадлежности), то в 1914 году их насчитывалось уже порядка 12 000. Генеральный консул в Австралии – им тогда был князь и статский советник А. Н. Абаза¹⁹ – в 1914 году в депеше вице-директору Второго департамента МИД России А. К. Бентковскому сообщал подробные данные о численности русской диаспоры на пятом континенте (с учетом распределения по штатам), в Новой Зеландии и на островах Океании.

«А) Численность русской колонии.

- 1) В Квинсленде 5000 чел.
- 2) “Новом Южном Валлисе²⁰ 2000 “
- 3) “Виктории 1500 “
- 4) “Южной Австралии 1100 “
- 5) “Западной Австралии 1200 “
- 6) “Тасмании 100 “
- 7) “Северной Территории 50 “
- 8) “Новой Гвинее и на Островах Тихого океана 50 “
- 9) “Новой Зеландии 1000 “

Итого: 12000 чел.

Б) Распределение русской колонии.

- 1) В Брисбене 3000 чел.
- 2) “Сиднее 500 “
- 3) “Мельбурне 400 “
- 4) “Аделаиде 200 “
- 5) “Порт Фримантл 300 “
- 6) “Хобарт и Лончестон 20 “
- 7) “Кернс (Квинсленд) 150 “
- 8) “Рокхемптон, Мэриборо, Боуэн и Таунсвилл (Квинсленд) 300 “
- 9) “Уоллумбилл (Н. Ю. В.) 300 “

¹⁹ Абаза, Александр Николаевич (1872–1925). Генеральным консулом в Австралии был назначен в 1912 году. После отставки в январе 1918 года переехал в Египет.

²⁰ Имеется в виду Новый Южный Уэльс (русское написание до 1917 г. – Новый Южный Валлис).

- 10) «Брокен-Хилл (Н. Ю. В.) 200 «
- 11) Порт Пири (Ю. А.) 200 «
- 12) В прочих городах Австралии 450 «
- 13) Разбросано по деревням и фермам в Австралии 5020 «
- 14) В Веллингтоне и Окленде 200 «
- 15) «прочих городах Новой Зеландии 300 «
- 16) «разбросано по деревням и фермам Новой Зеландии 500 «
- 17) В Новой Гвинее и на разных островах 50 «

Итого 12000 чел.»²¹.

Абаза указывал, что 12 000 – число приблизительное, поскольку точными статистическими данными он не располагал: опирался на сведения, полученные в ходе консульской практики, на собственные наблюдения, «расспросы разных лиц», донесения от нештатных консулов и прочие «отрывочные» сведения»²². Абаза считал, что действительное число русских на пятом континенте, скорее, было больше 12 000, нежели меньше. Он исходил из того, что проводившаяся в 1911 году перепись населения зафиксировала 4456 русских жителей в Австралии и 776 в Новой Зеландии, «а усиленная эмиграция сюда русских началась лишь после этого времени». Каждый месяц русская колония увеличивалась приблизительно на 120–150 чел. (90–150 чел. из Сибири и Маньчжурии и 20–30 чел. из Европейской России)²³.

Въезжали иммигранты через северо-восточные порты пятого континента Дарвин и Брисбен. Основной поток шел через Брисбен, административный центр штата Квинсленд²⁴. Здесь начинали свою австралийскую одиссею почти все эмигранты, переезжая потом в Новый Южный Уэльс, Викторию и другие штаты. Но многие оставались в Квинсленде и непосредственно в Брисбене, игравшем ведущую роль в развитии русской колонии. Там проживало около половины всей эмигрантской общины.

Генконсул характеризовал особенности профессиональной занятости приезжих. «За исключением евреев, живущих в городах и занимающихся здесь, как и везде, главным образом торговыми делами и легкими ремеслами (портные, сапожники), почти все русское население в Австралии живет исключительно физическим трудом. Ремесленники (слесари, токари, плотники, маляры) находят себе сравнительно легкий заработок в правительственных или частных мастерских или заводах, остальные же принуждены к черной работе разного рода – на постройках железных дорог, в рудниках, носильщиками на набережных и т. д. На земле работают немногие, и то лишь батраками на фермах, исключая Северный Квинсленд, где очень много русских постоянно работают на сахарных плантациях. Кое-где встречаются русские, имеющие собственную ферму, но таких еще немного – едва ли человек 300 во всей Австралии, считая в том числе русский поселок в Уоллумбилле»²⁵.

Абаза немало сделал для обеспечения защиты русских граждан на пятом континенте, расширив число имевшихся там консульских представительств. К уже существовавшим в Сиднее, Ньюкасле и Брисбене добавил новые – в Аделаиде, Хобарте, Перте и Фримантле. Их возглавили нештатные консулы, на эту должность назначали местных граждан. Сам Абаза

²¹ АВПРИ, ф. Спб Главный архив 1–5, оп. 408, д. 1274, л. 5об-6.

²² Там же, л. 6.

²³ Там же, 6 об.

²⁴ Общие сведения, характеризующие русскую эмиграцию в Австралии начала века, взяты также у Г. И. Каневской. См.: Г. И. Каневская. Очерк русской эмиграции в Австралии. Мельбурн, 1998 // zarubezhje.narod.ru/texts/chss_0425.htm.

²⁵ АВПРИ, ф. Спб Главный архив 1–5, оп. 408, д. 1274, л. 7–7 об.

управлял всем своим хозяйством из Мельбурна и всерьез заботился о развитии торгово-экономического и культурного взаимодействия России и Австралии.

В начале января 1917 года, буквально накануне судьбоносной революции, он с воодушевлением докладывал в центр о торжественном заседании мельбурнского городского собрания, на котором в присутствии премьер-министра Австралии было принято решение о создании австралийско-российского Справочного бюро по торговле²⁶.

Источником тревоги для генерального консула было то обстоятельство, что среди прибывавших в Австралию эмигрантов попадалось немало революционно настроенных индивидов, скрывавшихся от преследования со стороны царского правительства. Конечно, громадное большинство членов русской колонии были людьми «вполне благонамеренными, приехавшими сюда лишь в надежде на лучший заработок», но «политические» вносили диссонанс в общую картину. Абаза воспринимал их как малоприятную публику: «бежавшие из России уголовные и политические преступники», люди «крайних социал-революционных воззрений». Он писал: «Эта вторая группа, сравнительно немногочисленная, представляет, однако, большую опасность, так как она состоит из людей сравнительно интеллигентных и не щадящих никаких усилий к тому, чтобы приобрести возможно большее влияние на всех приезжающих сюда наших соотечественников»²⁷.

В донесениях в Петербург Абаза сетовал на ограниченность своих возможностей. Из офиса в Мельбурне ему трудно было поддерживать контакт со всеми переселенцами, разбросанными по огромному материка, не говоря уже о тех, кто забрался в Новую Зеландию или на острова Океании. Нештатные консулы чем-то помогали, но их работе мешало незнание русского языка и «совершенно естественное отсутствие интереса и инициативы». В результате они оставались «чуждыми» русской колонии и не внушали ей «никакого доверия»²⁸.

Выход Абаза видел в выделении дополнительных финансовых средств и назначении к нему в подчинение штатных консулов из России. Об этом он писал и в уже цитированной депеше и в других донесениях. Такое решение позволило бы активизировать работу российской миссии и смягчить негативные, с точки зрения Абазы, явления: вынужденное принятие многими иммигрантами австралийского гражданства и усиление влияния «политических». Последний фактор подавался как определяющий. Генконсул отмечал, что сотни переселенцев «подпадают под пагубное влияние бежавших из России политических преступников и в скором времени превращаются из мирных, верноподданных переселенцев в ярых социалистов и анархистов»²⁹.

Петр Симонов примкнул не к благонамеренному большинству, а как раз к этим возмутителям спокойствия, которые так пугали царского дипломата. Конечно, произошло это не сразу. Поначалу бывший бухгалтер и газетчик думал об одном, как заработать на хлеб насущный. Абаза не обманывал: на престижные, «чистые» должности приезжих как правило не брали. Во всяком случае, не сразу. Требовалось хорошо выучить язык, получить образование или подтвердить свои аттестаты и дипломы. Так что не было ничего странного в том, что Симонов вынужден был соглашаться на самую тяжелую работу – рубщика сахарного тростника, грузчика, рудокопа на приисках корпорации «Брокен-Хилл пропрайетори». В перспективе это не закрывало перед ним других возможностей. Он мог добиться права заниматься бухгалтерским делом или освоить иную профессию, чтобы в конечном итоге ассимилироваться в местном обществе, влиться в средний класс, приняв австралийское гражданство.

²⁶ АВПРИ, ф. СПб Главный архив 1–5, оп. 408, д. 952, л. 11.

²⁷ Там же, л. 7 об.

²⁸ Там же, л. 2–2 об.

²⁹ Там же, л. 2 об.

С этим генеральный консул как-нибудь бы смирился – лучше стать австралийским обывателем, чем русским революционером.

Абаза не учитывал, что принятие австралийского гражданства (иммигранты имели право претендовать на это через два года после прибытия на пятый континент) могло сочетаться с революционной деятельностью. Это относилось и к Ф. А. Сергееву, который не только принял австралийское гражданство, но и добился на пятом континенте материального и семейного благополучия (свой дом, жена-австралийка, дети). В 1917 году он всем этим пожертвовал ради того, чтобы вернуться в Россию и сражаться за счастье трудящихся. Но вернемся к Симонову.

Петр Фомич местного гражданства не принимал, а с «политическими преступниками», которых остерегался Абаза, сошелся очень тесно. Их числилось около 500 – в основном, участники революционных событий в России 1905–1907 годов. Среди них было немало людей высокой культуры, хорошо образованных, с богатым жизненным опытом, способностями, «сыгравших решающую роль в становлении русской диаспоры и ее институтов на пятом континенте»³⁰. Они создали в Брисбене свою организацию, сначала названную Русской ассоциацией, а затем – Союзом русских эмигрантов. С 1912 года стали выпускать газету «Эхо Австралии». Уделяли внимание материально-бытовой и духовной сторонам жизни русской колонии, старались сделать ее интересной и разнообразной. Велась активная культурно-просветительная работа, открылись библиотеки и школа, устраивались вечера, читались лекции.

Среди политэмигрантов встречались последователи разных социалистических течений – меньшевики, анархисты, эсеры и др. Своей организованностью и дисциплинированностью выделялись большевики. Их лидер, товарищ Артем – умница, блестящий оратор, отличался умением располагать к себе людей, как говорится, сплачивать массы. Его ближайшим помощником был А. М. Зузенко³¹ – моряк и профессиональный революционер. Он также обладал завидным даром убеждения, привлекал товарищей верой в коммунистические идеалы, честностью, неподкупностью и отвагой. Что удивительного в том, что Симонов попал под обаяние этих незаурядных людей. Он прилежно изучал социалистические идеи и занялся пропагандистской деятельностью.

Большевикам удалось поставить под свой контроль Союз эмигрантов, который позже преобразовался в Союз русских рабочих (СРР). Под его эгидой функционировали дочерние организации – Брисбенский русский рабочий клуб, Австралийское общество помощи политическим ссыльным и каторжанам в России. Отделения этих структур росли и крепили не только в Квинсленде, но и в других штатах. Заодно Симонов примкнул к ИРМ, активно участвовал в рабочем и профсоюзном движении, поддерживал тесные связи с руководством Австралийской лейбористской партии (АЛП) и Австралийской социалистической партии (АСП).

Он возвращается к журналистике и начинает писать на английском языке. Печатается в «Эхе Австралии». Эта газета неоднократно закрывалась местными властями (в том числе с подачи Абазы), но возрождалась под другими названиями: «Известия Союза русских эмигрантов», «Рабочая жизнь» (*“Workers’ Life”*), «Знание и Единство» (*“Knowledge and Unity”*). Публиковался Симонов и в австралийской периодике. Выступал на митингах, принимал участие в забастовках, демонстрациях, а когда началась Первая мировая война, включился в антивоенную кампанию.

³⁰ Г. И. Каневская. Указ. соч.

³¹ Зузенко, Александр Михайлович (1884–1938). В эмиграции в Австралии находился с 1911 по 1919 г.

И вот он уже не скромный служащий, каким был в России, не разыскиваемый властями беглец, а революционер, агитатор и пропагандист. В Союзе русских рабочих стал третьим по значению человеком. В общем, сделал головокружительную карьеру.

Не всем это пришлось по вкусу. К возвышению Симонова враждебно отнеслись эмигранты, осуждавшие большевиков и социалистов, считавшие, что Ф. А. Сергеев и его соратники узурпировали руководство в эмигрантской ассоциации. Ревниво следили за деятельностью Симонова и многие члены СРР. Мол, в России ничем себя не зарекомендовал, революционный послужной список – никакой, а туда же, в начальники метит. Симонова обвиняли в честолюбии, стремлении к власти.

Он и в самом деле был человеком властным и амбициозным. Возможно, ему не доставало умения ладить с людьми, договариваться, находить компромиссы. Нет данных, позволяющих говорить о том, что в Австралии Симонов обзавелся многими друзьями из числа соотечественников. Скорее, их было немного. Нормальные отношения сложились с Сергеевым, иначе он не стал бы «продвигать» Симонова. По словам самого Петра Фомича (в 1921 году он отмечал это в письме в Исполком Коминтерна (ИККИ), с товарищем Артемом они сходились почти во всем³². В противном случае, уезжая из Австралии, тот вряд ли оставил бы его секретарем Союза и главным редактором эмигрантской газеты, то есть, по сути своим наследником. Симонов ладил с Зузенко, во всяком случае, тесно с ним взаимодействовал, как уже отмечалось, находил общий язык с А. Э. Калниным³³, который на пятом континенте фигурировал под именем Ивана (Джона) Кука.

Однако недоброжелателей среди политэмигрантов у него было значительно больше. Возможно, по этой причине он чаще общался с австралийскими товарищами по борьбе. Перси Брукфилд и Майкл Консидайн были его главной надеждой и опорой.

К сожалению, не сохранилось документальных свидетельств о личной жизни Симонова. Из анкет известно, что он был женат. Жена, очевидно, была австралийкой или англичанкой, во всяком случае, в то время, когда Симонов оставил пятый континент, она уже пребывала в Великобритании. На анкетный вопрос о близких родственниках Симонов ответил так: «Только жена, в настоящее время находится в Англии»³⁴.

Он пошел по стопам своего наставника Ф. А. Сергеева, и когда отбыл в Советскую Россию, расстался со своей «половиной». Почему так произошло, неизвестно. Предположим, женщине не улыбалось провести остаток жизни на чужбине. Возможно, семейный разрыв у Симонова был не столь болезненным, как у товарища Артема. Дети не обзавелся, равно как и недвижимостью. Не факт, что это имело для него значения. Впрочем, все это догадки...

³² 8 April 1921, Simonov: to ECCI concerning an 'All-Australian Socialist Organization'. In Russian, manuscript and typescript copies. Trans. by KW // http://press.anu.edu.au/oul/mobile_devices/ch01s09.html.

³³ Калнин, Анс Эрнстович (1883–1950). В эмиграции в Австралии находился в 1912–1917 годах.

³⁴ АВПРФ, ф. 516, оп. 1, п. 68, д. 2942, л. 3.

Против Абазы

Февральскую революцию большинство эмигрантов встретили с воодушевлением. Засобирались домой. В основном, это были те, кому не удалось добиться успеха в Австралии, сделать карьеру. Теперь они питали надежды на то, что после перемен в России там их ждет лучшее будущее. Стремилась на родину и «политические», которые во главу угла ставили не материальный достаток и семейное благополучие, а идейные соображения.

Средства на репатриацию выделило Временное правительство, и организацией отъезда занялся Абаза, которого оставили в должности, как, впрочем, и других российских дипломатов – за рубежом и в Петрограде. Не всем политэмигрантам это пришлось по вкусу, ожидалось, что демократическую Россию в Австралии будет представлять не царский чиновник, а человек новых, прогрессивных взглядов. 16 марта из Дарвина в МИД России ушла телеграмма от некоего Родионова, назвавшегося членом Русской ассоциации. Он просил назначить консула в Австралии, который «помог бы нам уехать» (*“enable us to leave”*)³⁵. Но вскоре выяснилось, что всеми вопросами по-прежнему ведаёт Абаза. Впрочем, получив указание из российского посольства в Лондоне, он с усердием занялся организацией репатриации. Началась регистрация на пароходные рейсы, расписанные до ноября.

Ф. А. Сергеев уехал одним из первых, оставив «на хозяйстве» Зузенко и Симонова. Зузенко занимался подготовкой и проведением акций «прямого действия» (выступления в защиту прав рабочих, против войны), а Симонов, став секретарем Союза, редактировал газету и руководил «Комитетом по отправке». Он собирался отбыть на родину с «последним ноябрьским пароходом». В отчете о своей деятельности, который был им представлен в НКВД 21 ноября 1921 года (позже на его основе он написал и опубликовал в журнале «Международная жизнь» статью «Три с половиной года советского дипломатического представительства»), об этом было сказано следующим образом: «В начале революции, когда политические выезжали из Австралии в Россию, по общему настоянию я был оставлен до последнего ноябрьского парохода, так как я был главным секретарем Всеавстралийского Союза русских рабочих и редактором нашей единственной русской газеты»³⁶.

Отправка эмигрантов предполагала взаимодействие с Абазой, а отношения с ним складывались совсем не гладко. По мере обострения ситуации в России генконсул все более враждебно относился к революционно настроенным эмигрантам и не скрывал своего неприятия большевизма, грозившего разрушением российского государства, его внешней политики и дипломатии.

Что касается Симонова, то он «с первых же известий о мартовской революции называл в своих лекциях и статьях правительство Львова-Керенского шайкой узурпаторов и предсказывал переход всей власти советам»³⁷. Подобный радикализм не находил понимания у Абазы и у значительной части эмиграции, которую Симонов считал реакционной: «Не было там недостатка в царских агентах-провокаторах и высшей пробы черносотенцах, включая преданных царистов, объединившихся вокруг царского генерального консула Абазы»³⁸. Но он не мог не признать, что в оппозиции к большевикам и вообще революционерам экстремистского толка находились не только реакционеры и ретрограды, но и обыкновенные обы-

³⁵ АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 7, л. 2.

³⁶ АВПРФ, ф. 04, оп. 4, п. 4, д. 298, л. 21.

³⁷ П. Симонов. Три с половиной года советского дипломатического представительства. *Международная жизнь*, 1922, № 15 (135). С. 61.

³⁸ Там же.

ватели, которых пугали далеко идущие планы ниспровергателей основ. Симонов признавал, что в своей массе члены СРР поддержали Временное правительство³⁹.

Обстановка в русской диаспоре в Австралии в то время напоминала обстановку в самой России. Это был своего рода слепок в миниатюре. Большинство выступало за демократические перемены, осуждало большевиков и прочих «максималистов», взявших курс на насильственное свержение Временного правительства. Однако «максималисты», представлявшие меньшинство, были лучше организованы, отличались боевым духом и готовностью биться «до последнего патрона».

Октябрьский переворот усилил брожение в умах. В эмигрантской организации разгорелась ожесточенная борьба. «Бурные собрания, иногда вплоть до кулачной расправы, происходили по целым дням и даже по целым ночам»⁴⁰. Симонов и его последователи, солидарные с большевиками, послали поздравительную телеграмму в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, пожелав ему полной победы. Они в очередной раз переименовали Союз, который теперь стал называться «Союз русских рабочих-коммунистов» (СРР-К).

Симонов развернул борьбу с Абазой за влияние в русской колонии. В октябре 1917 года он направил ему в Мельбурн экземпляр газеты СРР-К «Рабочая жизнь» вместе с телеграммой, в которой требовал признать себя полномочным представителем колонии. Это не могло быть истолковано иначе, как желание стать консулом в Брисбене. Абазе как бы давался шанс проникнуться передовыми идеями и встать на сторону революционно настроенных эмигрантов. Симонов не сомневался в негативной реакции генконсула, и тот действительно воспринял подобное предложение как неслыханную дерзость. Ответил утонченно и ядовито-вежливо, как и подобало вышколенному дипломату и аристократу.

«На Ваш запрос „требуется ли официальное признание Вас как представителя колонии“, считаю своим долгом довести до Вашего сведения следующее: так как Вы являетесь представителем Брисбенской колонии и Ваши функции будут распространяться в делах колонии, только на данный район, то я просил бы Вас выяснить этот вопрос с командированным мной для ведения консульских дел в Брисбене Я. С. Абрамовичем-Томасом, в ведение которого входит вышеозначенный Брисбенский район». Абазе не преминул выразить надежду, что Симонов будет оказывать Абрамовичу-Томасу «посильную помощь как старожил и человек, имеющий близкое общение и знание Брисбенской колонии»⁴¹.

Мы не располагаем сведениями о личности этого протеже Абазы. Судя по документам, его звали Яковом. Возможно, он был эмигрантом, выходцем из России, а вторая часть фамилии (Томас) появилась уже после его переезда в Австралию.

Трудно удивляться тому, что Симонов отнесся неприязненно к ставленнику Абазы, а тот платил ему той же монетой и настраивал против него генерального консула. Абазе укреплялся во мнении, что секретарь СРР-К – опасный человек, не заслуживающий доверия. В результате были сорваны планы Симонова по отъезду из Австралии. Он писал, имея в виду Абазу: «Этот господин уведомил меня перед самым отходом последнего парохода, что люди с моими взглядами России не нужны и поэтому он лишает меня права на проезд»⁴².

На самом деле уведомил Абрамович-Томас. Именно этот кандидат на брисбенское консульство убедил Абазу в том, что секретарь Союза русских рабочих-коммунистов – вредный политический элемент, которому на родине делать нечего. Ведь вначале Абазе неосмотрительно выдал Симонову «правительственный билет» – т. е. право на покупку пароходного билета. В архиве сохранилась его телеграмма, адресованная лично Симонову и сделанная на

³⁹ Там же, с. 62.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ АВПРФ, ф. 65, оп. 1, п. 1, д. 1, л. 1.

⁴² П. Симонов. Три с половиной года... С. 63.

ней приписка, из которой следовало, что эта телеграмма могла служить пропуском на пароход⁴³. Но Абрамович-Томас продемонстрировал бдительность и открыл глаза генконсулу на большевистского «главаря». 13 ноября 1917 года он сообщил Симонову:

«Милостивый государь г-н П. Симонов,

В ответ на Ваше заявление довожу до Вашего сведения, что я лишаю Вас правительственного билета, ибо лицам с убеждениями, подобными Вашему, я не имею права способствовать к их возвращению на родину.

С наилучшими пожеланиями,

Як. Абрамович-Томас,

И. о. консула в Брисбене»⁴⁴.

Письмо было написано на официальном бланке – Абрамович-Томас жаждал признания своего статуса.

Чтобы у большевика-эмигранта не оставалось никаких иллюзий относительно его положения, австралийцы с подачи Абазы и Абрамовича-Томаса обвинили его в шпионаже в пользу Германии. А как еще можно было расценить лозунг «Долой империалистическую войну», которым Симонов украшал чуть ли не каждый выпуск «Рабочей жизни»? Он вспоминал: «Каждую ночь таскали к коменданту города на допросы, газету мою закрыли, и это было как раз во время октябрьской/ноябрьской революции»⁴⁵.

Нужно ли упрекать Абазу в том, что он не захотел пускать в Россию Симонова и чинил ему всяческие препятствия? Конечно, тот не был бандитом и уголовником (так величал его генконсул), но принадлежал к партии разрушителей, а не созидателей. Абаза прекрасно понимал, что люди, подобные Симонову, хотят перечеркнуть все прошлое России.

Итак, Петр Фомич остался в Австралии. Порой он считал для себя выгодным подавать это как осознанный и добровольный поступок – мол, русские эмигранты попросили его остаться «для борьбы против гонений бывшего царского консула Абазы» и он откликнулся на эти просьбы⁴⁶. Возможно, подобное обстоятельство имело место, однако главная причина коренилась все же в запрете официального представителя российского правительства. Иначе Симонов выехал бы обязательно, и в этом случае его жизнь сложилась бы по-иному. Но так уж вышло, что путь на родину был закрыт, и ему ничего не оставалось, кроме как продолжить свою деятельность в Австралии.

Он поставил своей целью поквитаться с Абазой – пусть заплатит за свое коварство! 13 ноября, то есть в тот же день, когда генеральный консул и его «подручный» огорошили Симонова своим запретом, он направил телеграмму в Петроград, в Министерство иностранных дел. От имени «руководства русских общин и ассоциаций» в Мельбурне, Сиднее и Брисбене заявлялось: «Консул Абаза остается типичным представителем старого авторитарного режима, потерявшим не только доверие русских граждан, но также весь свой престиж в местном обществе». Указывалось, что во всех крупных городах проходят собрания эмигрантов, требующих «немедленно» назначить вместо Абазы человека, «достойного быть представителем российской демократии»⁴⁷. Под телеграммой, кроме подписи Симонова, стояла еще одна не вполне разборчивая подпись, очевидно, также одного из тогдашних руководителей СРР-К.

Направляя эту телеграмму, Симонов еще не знал, что МИД России в полном составе отказался работать на большевистское правительство и вместо этого ведомства создается

⁴³ АВПРФ, ф. 65, оп. 1, п., д. 1, л. 5.

⁴⁴ Там же, л. 3.

⁴⁵ АВПРФ, ф. 04, оп. 4, п. 4, д. 298, л. 21.

⁴⁶ АВПРФ, ф. 516, оп. 1, п. 68, д. 2942, л. 10.

⁴⁷ АВПРФ, ф. 65, оп. 1, п. 1, д. 2, л. 1.

Народный комиссариат по иностранным делам во главе с Троцким. По всей видимости, телеграмма из Австралии одной из первых легла на стол наркома, и тот обратил внимание на ее бодрый и безапелляционный слог.

Однако Абаза не сложил оружия и все последние месяцы своего пребывания на посту генконсула как мог старался ограничить влияние СРР-К. Он провел работу в австралийском правительстве, и 15 декабря Симонов получил извещение от министра труда и железных дорог У. А. Уотта (в 1917–1918 годах неоднократно исполнявшего обязанности премьер-министра, который занимался европейскими делами – то в Лондоне, то в Париже) о том, что «публикация в Содружестве русскоязычной газеты, известной как „Рабочая жизнь“, запрещена». Объяснялось, что это решение принято «в интересах общественной безопасности и обороны Содружества» и в соответствии с введенными в 1915 году ограничениями военного времени⁴⁸.

К тому времени у правительства Австралии все большую тревогу вызывала активизация революционной и особенно антивоенной пропаганды русских эмигрантов, ссылавшихся на «правильный» опыт большевистского режима. Австралийцы не поленились перевести на английский язык наиболее вызывающие с их точки зрения фрагменты из статей «Рабочей жизни» и направили их Симонову в качестве приложения к письму Уотта.

Эти фрагменты воспринимаются сегодня как ценный исторический материал, который, с одной стороны, говорит о максимализме политэмигрантов, а с другой – о той наивности, с которой они оценивали события у себя на родине. Никто из них толком не знал, что там происходило, что конкретно представляли социалистические перемены, но вера в то, что они осуществлялись на благо народа, была неколебима.

Редакция «Рабочей жизни» во главе с Симоновым придерживалась ленинских, большевистских установок. Осуждалось Временное правительство, в том числе за разгон июльской демонстрации. Под огонь критики попал А. Ф. Керенский, на которого «вешали всех собак». Он-де предал не только русскую демократию, но и демократию во всем мире, настраивал народ против своих бывших товарищей, опираясь на богатых крестьян, казаков, средний класс и капиталистов, объявил открытую войну пролетариату⁴⁹. Кричал о деспотизме царя, а в то же время сам стремился к деспотизму. Осмелился называть Ленина германским агентом, а сам – друг кайзера. И вообще, у него каша в голове и он пустозвон (*bounder*) и болтун⁵⁰.

При всем своем большевизме редакция «Рабочей жизни» не возводила в абсолют борьбу за идеологическую чистоту, учитывалось разнообразие взглядов политэмигрантов. Возлагались надежды на то, что в России расцветет социалистическая демократия и там найдется место революционерам всех направлений, которых сблизит общее дело. В то же время Симонов выделял тех из них, кто по степени своего радикализма был ближе всего большевикам. Так, сторонники Ленина ставились «в одну упряжку» с анархистами, по сути, позиционировался тандем этих двух сил. «Ленинисты и анархисты России еще не потеряли надежды, что рабочие мира восстанут, консолидируются и избавятся от чудовищного кошмара деспотизма и варварства»⁵¹.

Все номера газеты насыщены революционной риторикой, которая вроде бы относилась только к ситуации в России (частично в Европе), но легко экстраполировалась на положение в Австралии. «Мы, – подчеркивалось, – не должны снова оказаться в чудовищном рабстве у

⁴⁸ АВГРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 1, л. 1.

⁴⁹ Там же, л. 4.

⁵⁰ Там же, л. 2.

⁵¹ Там же.

паразитов»⁵² – такая фраза едва ли могла прийтись по вкусу австралийскому правительству. Тревогу вызывал и тезис о том, что всем трудящимся нужно «последовать примеру русских рабочих и свергнуть правление паразитов и покончить с чертовой войной». Это расценивалось как призыв к восстанию против капиталистов, составлявших меньшинство – «кучка в несколько тысяч человек». Власти едва ли могла успокоить неуклюжая оговорка, что подобные призывы адресованы не австралийцам, а «германским рабочим классам».

Как совершенно недопустимые были восприняты антивоенные пассажи. Австралийцы участвовали в Первой мировой войне на стороне Антанты и пораженческие лозунги рассматривались как предательство. «Поймут ли наконец рабочие классы, – гневно вопрошала редакция „Рабочей жизни“, – что ничего не имея, им нечего защищать, что их просто дурачат и втягивают в войну паразиты, которые сосут их кровь?». Газета возмущалась: «Империалисты делят мир, а трудящихся гонят на бойню» как овец... Разве не ясно, что это не народная война, а война эксплуататорских классов и паразитов? Ну и как прикажете поступать народам?»⁵³.

⁵² Там же.

⁵³ АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 1, л. 4–5.

Рудокопа в консулы

В конце 1917 года стало ясно, что Абаза вскоре оставит свой пост. С декабря австралийское правительство отказалось признавать выдававшиеся им паспорта и другие документы. Он сложил с себя полномочия генерального консула, сославшись на «непреодолимые обстоятельства», о чём уведомил премьер-министра Австралии письмом от 26 января 1918 года⁵⁴.

В этой ситуации состоялось сенсационное назначение Симонова на должность консула. 30 января 1918 года пришло сообщение агентства «Рейтер» о приказе Троцкого. Телеграмма Литвинова пришла 19 февраля⁵⁵. Великобритания курировала внешнеполитические и дипломатические связи своего доминиона, и было логично, что Литвинов, представлявший там интересы РСФСР, будет курировать советского представителя в ее доминионе.

«Рудокоп заменяет князя в генеральском чине» – с такими заголовками вышли австралийские газеты. В отчете НКВД Симонов писал: «Пока все бури и катавасии еще продолжались, в конце января 1918 года получается из Петербурга рейтеровская телеграмма, а вслед за этим телеграмма от тов. Литвинова из Лондона о моем назначении тов. Троцким консулом Советской России для Австралии»⁵⁶.

Трудно сказать, чем руководствовался Троцкий. Может быть, имя Симонова он запомнил по его прошлогодней телеграмме. Возможно, как уже говорилось выше, кандидатуру Петра Фомича предложил Ф. А. Сергеев или еще кто-то из бывших товарищей по эмиграции, добравшихся до России. Наверное, нарком был осведомлен, что у Симонова нет дипломатического опыта, но этого и не требовалось. Пренебрежительное отношение Троцкого к традиционной дипломатии известно. Что толку в установлении и поддержании цивилизованных отношений с зарубежными государствами, когда все международное сообщество вот-вот будет сметено могучим ураганом всемирной революции.

Такой позиции придерживался не только Троцкий, но и Ленин, до поры до времени не придававший большого значения «чисто дипломатической работе». Вождь мирового пролетариата преимущественно обращал внимание на информационно-пропагандистскую работу за границей и связи с местными рабочими партиями и организациями для ослабления буржуазных правительств. В письме Я. А. Берзину, руководителю советской дипломатической миссии в Швейцарии, председатель Совнаркома писал: «На официальщину начхать: минимум внимания. На издания и нелегальные поездки максимум внимания»⁵⁷.

Имелись в виду распространение декретов и других документов советской власти, популяризация опыта социалистического строительства в России (чтобы побуждать трудящихся других стран следовать её революционному примеру), соответствующие контакты с коммунистами и социалистами на местах. В общем, дипломатия рассматривалась как средство разжигания революционного пожара за пределами России, поэтому критерием назначения зарубежного представителя должна была служить его революционная преданность. Симонов этому критерию соответствовал вполне. Вместе с тем первый шеф Наркоминдела, наверное, не предполагал, что избранный им кандидат примется всерьез осваивать профессию консула и дипломата и продержится на ней значительный срок.

Недрузи Симонова ставили под сомнение сам факт его назначения и существование литвиновской телеграммы. Однако в отличие от приказа Троцкого телеграмма не про-

⁵⁴ Массов А. Я. Указ. соч.

⁵⁵ П. Симонов. Три с половиной года... С. 63.

⁵⁶ АВПРФ, ф. 04, оп. 4, п. 21, д. 298, л. 21.

⁵⁷ В. И. Ленин. Письмо Я. А. Берзину, 18 октября 1918 г. // В. И. Ленин. Неизвестные документы (1891–1922) // <http://leninism.su/works/99-v-i-lenin-neizvestnye-dokumenty-1891-1922/3640-dokumenty-1918-g-goktyabr-noyabr.html>.

пала. Симонов берег ее, понимая, что это, может быть, единственное подтверждение его статуса. Приведем ее текст: «Симонов назначен консулом с ведома британского Форин офиса» (*“Simonoff appointed consul british foreign office advised”*)⁵⁸. Ссылка на британское внешнеполитическое ведомство подкрепляла решение Москвы, что делало положение свежеиспеченного дипломата более прочным. Правда, подтверждения от англичан так и не последовало...

Назначение на ответственную должность стало неожиданностью не только для австралийской публики, но и для самого Симонова, который не помышлял о подобном взлете. С другой стороны, чему было удивляться? В годы революции в таких стремительных перевоплощениях не было чего-то особенного. Если вчерашний школьник становился командиром полка, то бывший бухгалтер, рудокоп и журналист-самоучка мог стать консулом, даже генеральным. В ту героическую эпоху роль его величества случая была велика, и феерические карьеры делались в одно мгновение. Правда и разрушались порой столь же быстро.

И все же зададимся вопросом: а годился ли Симонов для новой работы? Опыта у него не имелось, образование было достаточно скромным и, мягко говоря, не профильным. Специалистом-международником он не являлся. Но был не без способностей. Осваивая бухгалтерское ремесло, получил экономические знания и, оказавшись за границей, старался их расширять и углублять. Был сметлив, выучил английский язык, на котором свободно говорил, писал (к концу своего пребывания в Австралии лучше, чем на русском), составлял официальные, а также информационно-справочные документы.

Тот способ, которым был назначен Симонов, и то положение, в котором он оказался, не были исключительными для советской внешней политики тех лет. С конца 1917 года Совет народных комиссаров РСФСР, лишившись прежнего заграничного аппарата, заполнял образовавшиеся вакансии революционерами-эмигрантами. Представителем в Швеции, Дании и Норвегии сделали В. В. Воровского. Его уполномоченным в Дании стал Я. З. Суриц. М. М. Литвинов стал представителем в Лондоне. Все они, как и Симонов, узнавали о своих назначениях из прессы.

В отличие от своих коллег, получавших из Москвы дипломатические паспорта, он так и не «легализовался», располагая вместо экзекватуры одними сообщениями прессы и телеграммой Литвинова. Но в январе 1918 года он не сомневался, что в самое ближайшее время из Москвы придет подтверждение его статуса, который будет признан австралийцами.

Федеральные власти поначалу восприняли его назначение «более, чем терпимо». Это собственные слова Симонова, объяснявшего такое отношение тем, что поначалу ни в Австралии, ни в других западных странах до конца не отдавали себе отчета во всех последствиях происшедшего в России переворота. «Первое время от Октябрьской революции в публике и между властью имущими была растерянность. Никто, по-видимому, не знал, как принять этот факт»⁵⁹. Пресса к явлению советского консула отнеслась как к сенсации, но не вызывавшей особой тревоги. Власти шли на контакт и не возражали против открытия консульства де-факто. От прежней враждебности, когда Симонова обвиняли в шпионаже в пользу Германии и едва не арестовали, почти следа не осталось.

Отчасти на свои и отчасти на собранные и занятые у «близких товарищей деньги» он открывает офис в Мельбурне. Но штаб-квартиру в Южном Брисбене тоже за собой сохраняет: на его входящей и исходящей корреспонденция 1918 – начала 1919 года зачастую значился адрес: *Roslyn Villa, South Brisbane*. Под «близкими товарищами», скорее всего, подразумевались Брукфилд и Консидайн.

⁵⁸ АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 6, л. 2.

⁵⁹ АВПРФ, ф. 04, оп. 4, п. 21 д. 298, л. 21.

Бруки поздравил Симонова в тот же день, когда пришла «рейтеровская телеграмма». «Дорогой товарищ, я поздравляю тебя с назначением и искренне надеюсь, что ты будешь представлять правительство большевиков до тех пор, пока его чаяния не получат всеобщего признания. Буду рад тебя увидеть, если будешь в Сиднее. Желаю тебе всяческих успехов в твоей новой работе, а правительству большевиков – долгой жизни и процветания»⁶⁰.

Симонов заказал для консульства, формально именовавшегося «Бюро российского представителя в Австралии», самую необходимую оргтехнику, официальные бланки и работа закипела. Нужно было ставить на учет российских граждан, помогать им с выездом на родину. Это был важнейший, самый злободневный вопрос. Каждый день приходили десятки посетителей, рассчитывавших на его помощь.

В архивном досье сохранились опросные листы, которые заполняли посетители консульства. Вверху крупными буквами набрано: «Пролетарии всех стран соединяйтесь! Российская социалистическая федеративная советская республика. Представительство в Австралии». Далее перечислялись вопросы, на которые должны были отвечать посетители: «Принадлежите ли к какой-либо организации? Какую работу предпочли бы в России? Сумеете ли отправиться в Россию при первой возможности? Нуждаетесь ли в пособиях для поездки в Россию? Можете ли покрыть часть расходов по поездке и в каком размере?»⁶¹.

Был составлен список примерно из 600 эмигрантов, желавших отправиться в Россию. В их число входили и русские, проживавшие в Новой Зеландии. Поскольку там не было советского представителя, просьбы о репатриации оттуда направлялись Симонову. Он не располагал данными о количестве русских эмигрантов в этой стране, которые собрал Абаза, отмечал лишь, что их «много»⁶². Среди них встречались и военнопленные.

⁶⁰ АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 5, л. 16а.

⁶¹ АВПРФ, ф. 04, оп. 4, д. 21, л. 28.

⁶² АВПРФ, ф. 65, оп. 3, п. 1, д. 1, л. 4.

Муравьев из лагеря Сомс

После Октябрьской революции и последовавшего за ней Брестского мира русские военнослужащие, находившиеся на территории, которую контролировала Антанта, были интернированы. Это были солдаты экспедиционных корпусов, направлявшихся Петроградом на Западный и Балканский фронт, пленные, захваченные немцами или австрийцами, а после освобожденные союзниками. Относились к ним не лучше, чем к военнопленным держав Тройственного союза, если не хуже. С точки зрения союзников в России отсутствовало законное правительство, большевики предали общее дело и с русскими нечего было церемониться.

По словам начальника военно-санитарной службы русских войск во Франции А. Рубакина, прикомандированного к одному из лагерей, куда направлялись русские солдаты, они были поставлены в «беззащитное положение»⁶³. В Марселе их сажали на транспортные суда, которые плыли не в Одессу, Севастополь или Петроград, а гораздо дальше. Одним из пунктов назначения был лагерь на новозеландском острове Сомс⁶⁴, существовавший с августа 1914 по декабрь 1918 года.

Русские там появились в начале 1918 года. В списках военнопленных их фамилии указаны следующим образом: *A. Muravieff, O. Halinen, J. Jakabsen, P. Nester*⁶⁵.

У англосаксов всегда были трудности с написанием (не говоря уже о произношении) фамилий выходцев из России. О том, какими они были в «кириллическом» исполнении, можно только предположить. *Halinen* мог оказаться Малининым, *Nester* – Нестеровым. Что касается фамилии *Jacabsen* (Якобсен, Якобсон), то, скорее всего, она принадлежала еврею.

Впрочем, новозеландцы (равно как и австралийцы, канадцы, британцы или американцы) не ломали голову над этнической и лингвистической идентификацией обитателей бывшей Российской империи. Все они считались русскими.

В архиве сохранилось письмо Муравьева, направленное Симонову и датированное 3 июня 1918 года⁶⁶. По всей вероятности, писал он не сам, а прибегнул к помощи кого-то из администрации лагеря. Письмо написано на официальном бланке лагеря, на хорошем английском. Обращает на себя внимание почерк – аккуратный, разборчивый, почти каллиграфический.

Письмо было доставлено Симонову вместе с запиской из Министерства обороны Новой Зеландии от 14 июня 1918 года. В ней указывались имя и отчество военнопленного – Артур Иванович – и одновременно упоминалось, что в лагере его также называли Манделем. *Arthur Ivanoff Muravieff (alias Mandel)* – так представил этого военнопленного майор, возглавлявший в Министерстве кадровое подразделение (*Department of Personal Services*). Возможно, Муравьев/Мандель как и Якобсон был евреем и предпочел русское имя, принимая во внимание антисемитские настроения, широко распространенные не только в России, но и на Западе.

Муравьев напоминал о своем предыдущем письме, датированном 2 апреля 1918 года, оставшемся без ответа. По каким-то причинам оно не дошло до консула. В противном случае, будучи человеком скрупулезным, содержащим свою корреспонденцию в завидном

⁶³ <http://www.regiment.ru/Lib/B/22.htm#>; Военно-исторический журнал. 1996 г. № 4. С. 37–39.

⁶⁴ Сегодня – Матиу/Сомс.

⁶⁵ *Somes Prisoners. POWs at Featherston Internment Camp – after May 1919* // <http://www.oocities.org/somesprisonersnz/featherston1919.html>.

⁶⁶ АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 1, л. 17.

порядке и – что, наверное, важнее – крайне внимательно относившимся к просьбам соотечественников, он бы обязательно откликнулся.

Муравьев спрашивал, мог ли консул содействовать его освобождению. Отмечалось, что об этом просил и П. Нестер. Муравьев не упоминал о двух других соотечественниках, содержавшихся в лагере. Возможно, они держались особняком и не хотели обращаться за помощью к представителю советской власти.

Приведем в переводе полный текст письма А. И. Муравьева:

«Дорогой сэръ,

С Вашего разрешения хотел бы напомнить о моем письме от 2 апреля этого года относительно моего положения как военнопленного, который содержится здесь, на острове Сомс. К сожалению, до сих пор я не получил Вашего ответа на вышеуказанное письмо. Буду весьма обязан, если Вы ответите на это письмо и выскажете свое мнение по данному вопросу – сможете ли Вы что-то сделать для моего освобождения и изменения того незавидного положения, в котором я нахожусь.

Тогда же Вам писал мой друг П. Нестер, и он тоже ждет ответа по тому же вопросу.

Искренне Ваш А. Муравьев

20 июня Симонов направил запрос в Министерство обороны Новой Зеландии, предлагая информировать его о причинах, по которым русские военнослужащие были лишены свободы. Консул просил уведомить их о том, что письмо Муравьева дошло до адресата, и призыв о помощи услышан⁶⁷.

В своем письме Муравьев не ставил вопрос о репатриации, но, по всей видимости, в перспективе это подразумевалось. Во всяком случае, из этого исходила администрация лагеря. В списке военнопленных против фамилий русских заключенных стояла пометка: «Оставить в положении интернированных до тех пор, пока не будет обеспечена отправка в Россию» (“*advised that he will remained interned until he can be sent to Russia*”)⁶⁸.

К сожалению, не сохранилось документов, рассказывающих о том, чем увенчались усилия Симонова. С началом «империалистической интервенции» против РСФСР и ее блокады державами Антанты транспортное сообщение с Советской Россией было прервано, добраться туда стало практически невозможно.

⁶⁷ Там же, л. 21.

⁶⁸ *Somes Prisoners. POWs at Featherston Internment Camp – after May 1919* // <http://www.oocities.org/somesprisonersnz/featherston1919.html>.

«Правительство не может признать...»

Симонова заботила судьба не одного Муравьева. В Австралии таких были сотни, и все мечтали уехать на родину. «Ко мне... со всех сторон и непрерывно сыпались письма и телеграммы с требованием паспортов»⁶⁹. Но выдавать документы без санкции австралийского правительства было нельзя, а на все запросы Симонов получал вежливые, но отрицательные ответы.

Из секретариата премьер-министра от 27 апреля 1918 года: «Имеем честь засвидетельствовать, что Ваше письмо по вопросу выдачи Вами паспортов русским гражданам, желающим вернуться в Россию, получено. Информировано, что Ваше представление будет рассмотрено»⁷⁰. Изучили и через пару недель объяснили: для того, чтобы заниматься паспортами, Симонов должен официально подтвердить свои полномочия, а пока «в отношении Вашего назначения генеральным консулом России хотели бы информировать Вас, что настоящее правительство не получало каких-либо сообщений по данному вопросу»⁷¹.

Сообщения агентства «Рейтер» и телеграммы Литвинова для подтверждения консульского статуса было недостаточно. Где официальная нота Москвы, адресованная Форин офису, указание британских властей? В телеграмме говорилось, что назначение согласовано с англичанами, но где подтверждение? Возможно, согласование носило устный характер. Возможно, оно было озвучено не на должном уровне и в предварительном порядке. Возможно, Уайт-холл дал добро на занятие Симоновым консульской должности, но впоследствии поспешил отменить это решение и не стал предавать его огласке.

Едва ли вызывает сомнение то, что Симонов пытался связаться с НКВД или с Литвиновым, чтобы «разрулить» возникшую ситуацию. Однако большевистское руководство, озабоченное насущными задачами своего выживания и угрозой международной изоляции, проблемы консульства в Австралии волновали меньше всего, а положение Литвинова в Лондоне становилось все более шатким.

Благодаря протекции Брукфилда и Консидайна в апреле 1918 года Симонов добился аудиенции у Уотта. Встреча прошла в благожелательной атмосфере. Уотт в присутствии гостя надиктовал телеграмму в Уайт-холл, запрашивая разъяснения относительно статуса советского представителя.

Реакция вскоре последовала, правда, отрицательная. Из письма Симонову секретаря премьер-министра от 9 мая 1918 года:

«В связи с Вашими обращениями от 24 и 29 апреля по поводу выдачи паспортов русским подданным в Австралии с целью предоставить им возможность проследовать в Россию я уполномочен исполняющим обязанности премьер-министра информировать Вас, что ваш запрос был внимательно изучен. Однако рекомендации, полученные от имперских властей в отношении представительства российских интересов за рубежом и выдачи паспортов, а также отсутствие определенности в нынешней ситуации исключают принятие вашего предложения»⁷².

Симонов упорствовал, но поступал отказ за отказом. «Правительство Содружества не может признать Вас в качестве консульского представителя, и позиция эта будет оста-

⁶⁹ П. Симонов. Три с половиной года... С. 63.

⁷⁰ АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 1, л. 14.

⁷¹ Там же, л. 13.

⁷² Там же, л. 15.

ваться неизменной до тех пор, пока Британское правительство не подпишет соответствующее соглашение с российскими властями»⁷³.

Симонов апеллировал к дипломатическому корпусу, забрасывал письмами зарубежных консулов. Но чем они могли помочь? То ссылались на необходимость проконсультироваться со своими столицами (голландец, ответ от 8 октября 1918 года⁷⁴), то указывали, что данный вопрос находится вне их компетенции (норвежец, 9 октября 1918 года⁷⁵). Исключением явился швед, который настолько проникся проблемами Симонова, что отправился хлопотать за него. Но вернулся ни с чем. Цитируем его письмо от 8 октября 1918 года: «Сегодня посетил офис премьер-министра, и мне было сказано, что британское правительство никогда не принимало м-ра Литвинова в качестве русского посла и не признавало в этом качестве. Поэтому австралийское правительство не может признать какие-либо консульские назначения в Австралии, произведенные м-ром Литвиновым»⁷⁶.

Снова на помощь пришли Брукфилд и Консидайн. На этот раз они организывают встречу своему русскому другу с самим премьер-министром У. М. Хьюзом. Тот был столь же доброжелателен, как и Уотт, и даже обещал санкционировать отправку эмигрантов в Россию без паспортов – им могли оформить особые разрешения на выезд.

Симонов воодушевлен. Дело оставалось за малым – отработать маршрут. Отправлять репатриантов через воевавшую Европу было немыслимо, ведь боевые действия шли по всему периметру западных границ Советской России. Единственно реальный путь лежал через Юго-Восточную Азию и Японию – до российского Дальнего Востока. Симонову удалось договориться с японским консулом о транзите через его страну во Владивосток⁷⁷. Предполагалось отплыть на корабле «Бирма Мару», следовавшем в Японию через Манилу. Из-за последнего обстоятельство все и сорвалось. Остановка в филиппинской столице требовала американской визы, а консул США выдавать ее эмигрантам категорически отказался.

Это обескуражило Симонова, ведь он сам планировал присоединиться к первой партии отъезжающих. Власти не утверждали его консульские полномочия, что было терять? Абаза и Абрамович-Томас помешать уже не могли. Он зарезервировал для себя место на «Бирма Мару» и внес аванс в 10 фунтов, которого лишился из-за несговорчивого американского консула. Для Симонова это была крупная сумма, и он попросил японского коллегу повлиять на пароходную компанию с тем, чтобы та вернула аванс⁷⁸. Тщетно. Пароходство известило Симонова, что депозит оставляет у себя. Обещание, что он сможет им воспользоваться для приобретения билета «в любое время, если будет место на пароходе»⁷⁹, послужило слабым утешением.

Он продолжал настаивать на предоставлении ему возможности выезда – теперь уже не в Японию, а какую-нибудь нейтральную страну, откуда можно было добраться до родины, но безрезультатно⁸⁰.

Симонов возобновил попытки добиться согласия правительства на учреждение советского консульства. Не хотят утверждать его главой русского, возможно, согласятся утвердить австралийца, который не должен вызвать особых подозрений у местных властей. Свой гражданин, в конце концов. Назначались же при Абазе нештатные консулы!

⁷³ Там же.

⁷⁴ АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 2, л. 11.

⁷⁵ Там же, л. 16.

⁷⁶ Там же, л. 28.

⁷⁷ П. Симонов. Три с половиной года... С. 64.

⁷⁸ АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 3, л. 39.

⁷⁹ Там же, л. 4.

⁸⁰ АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 1, л. 26.

Выбор был сделан в пользу Консидайна. Его фигура обеспечила бы легитимность представительству, которым де-факто продолжал бы руководить Симонов. Но вариант не прошел. В ответе секретаря премьер-министра от 7 августа говорилось, что «правительство Его Величества не может признать право нынешних российских властей назначать консулов в Британской империи», однако не станет возражать, если это будут «неофициальные агенты». Увы, в этом случае тоже требовалось одобрение британских властей. Для этого, указывалось, российское правительство должно было сначала уведомить Лондон, чтобы оттуда поступило соответствующее указание в Мельбурн⁸¹. Однако Москве, как уже отмечалось, было не до Австралии. В результате Консидайн как «неофициальный агент» не состоялся.

⁸¹ Там же, л. 24.

Групповцы и симоновская красная гвардия

Легитимизация консульства и репатриация эмигрантов были не единственными вопросами, которыми занимался Симонов. Не меньшую головную боль доставляли ему заметно обострившиеся противоречия в диаспоре. Он выдерживал натиск не только русских, не принявших коммунистического эксперимента, но и «коллег-революционеров». Их возглавили Герман Быков (псевдоним – Алекс Резанов), Николай Лагутин и Константин Ключин (псевдонимы – Н. Клишин и Орлов). Они вышли из руководства СРР-К и создали «Группу русских рабочих». Ставилась цель: занять лидирующие позиции в диаспоре и заменить Симонова на посту консула. Симонов называл их «групповцами»⁸². Его сторонники именовались «симоновской красной гвардией». «Разница наших позиций... вызвала ожесточенные споры на так называемых „колониальных“ или общегражданских собраниях, часто вплоть до рукопашной»⁸³.

В чем заключалась суть расхождений до конца не ясно. Групповцы пеняли Симонову за его якобы отступничество от революционных идеалов, за объединение «с мелкобуржуазными элементами»⁸⁴. Но в этом можно было обвинять и других советских дипломатов, которые в силу своих профессиональных обязанностей общались с деятелями буржуазных государств, искали взаимоприемлемые развязки в сложных ситуациях, а не рубили головы пашкой. В отношении Симонова данное обвинение было вдвойне несправедливо. Он выступал в двух амплуа – прагматичного дипломатического представителя и революционного трибуна, организатора рабочего и коммунистического движения. Причем на первых порах главным для него было амплуа революционера. Групповцы намеренно старались этого не замечать, выставляя Симонова продажным ренегатом. Общался с врагами рабочего класса, представителями официальных и деловых кругов, с консерваторами и лейбористами? Значит, не место тебе в наших рядах.

Причины раздора, возможно, носили не только идеологический, но и личностный характер. Симонов к мнению других не всегда прислушивался, многие его недолюбливали. Об этом упоминают австралийские историки, опираясь на документы австралийских архивов⁸⁵. К тому же Быков, Лагутин и Ключин крайне ревниво отнеслись к возвышению «наследника» товарища Артема. Они в штыки восприняли назначение Симонова. Вот как он описал это: «Рано утром, 30 января 1918-го года вбегает ко мне один товарищ и рассказывает, что групповцы в бешенстве бегают по улицам, суют друг другу каждый свою газету и с руганью говорят, что это хитрая провокация Симонова, чтобы запугать их»⁸⁶.

Он добавлял, что «особенно бесновались» эсеры. «Они теперь прикинулись „более достойными“, сторонниками советской власти, чем Союз во главе со мной, названный, однако, ими же “Симоновской красной гвардией“»⁸⁷. По некоторым данным, эсером (по крайней мере, одно время) был Герман Быков⁸⁸, хотя сам он позиционировал себя «революционером-марксистом».

⁸² П. Симонов. Три с половиной года... С. 61.

⁸³ Там же. С. 62.

⁸⁴ АВПРФ, ф. 65, оп. 4, п. 1, д. 2, л. 2.

⁸⁵ Э. Фрид пишет об этом в статье о П. Симонове. См.: Australian Dictionary of Biography // <http://adb.anu.edu.au/biography/simonov-peter-8429>. См. также: Rare Russian papers discovered in the Oxley Library // <http://blogs.slq.qld.gov.au/jol/2012/02/27/rare-russian-papers-discovered-in-the-oxley-library/>.

⁸⁶ П. Симонов. Три с половиной года... С. 61.

⁸⁷ Там же. С. 62.

⁸⁸ Герман Иванович Быков родился в Саратове, в 1891 году. Вероятно, погиб в период Большого террора.

Быков, по всей видимости, был человеком образованным и после возвращения в Советскую Россию занимался научной деятельностью. В журнале «Борьба классов» опубликовал статью «Английский рабочий класс во второй половине XVIII в. и в первой половине XIX в.»⁸⁹. Симонова считал политически незрелым, невежественным и недостаточно радикальным.

О Лагутине известно лишь то, что он был анархистом. Какого «социалистического уклона» придерживался Ключин, неизвестно. За революционную деятельность он был сослан в Сибирь, откуда бежал в Австралию. В эмигрантской среде пользовался известностью как человек с неустойчивой психикой.

В письмах Чичерину и Литвинову Быков и Ключин писали, что «мистер Симонов недостойн представлять Российскую крестьянскую и рабочую республику», и своей деятельностью «больше вредит, чем помогает российскому рабочему движению в целом»⁹⁰. Консулу вменялось в вину использование своего положения для личного обогащения: «собирая и получая пожертвования, он отчетов русской колонии не дает, мотивируя, что дела консула от простых смертных – секрет». За паспорта он якобы требовал от 10 до 300 фунтов стерлингов, поясняя, что средства необходимы для содержания консульства и «агитации среди австралийцев», и уверял, что «без его паспорта Советская Россия к себе никого не пускает». Будто бы окружил себя роскошью, и над его конторой в центре Сиднея установлена доска с золотыми буквами «*Russian Representative of Soviet Russia Piter Simonoff*»⁹¹.

Как мог он брать деньги за оформление паспортов, когда паспорта выдавать не мог? Австралийское правительство в этом праве ему отказало. Маловероятно, чтобы человек, перебивавшийся случайными заработками, постоянно одалживавший деньги у друзей и сокрушавшийся по поводу утраты аванса в 10 фунтов за билет на «Бирма Мару», декорировал свой офис доской с золотыми буквами.

Ключин и Быков заявляли, что опираются на мнение «общих собраний всех русских граждан», протестовавших против назначения Симонова. В секретном докладе НКВД, обобщившем антисимоновские материалы, отмечалось принятие «общим собранием колонии» резолюции следующего содержания: «Просить Советскую Россию Петра Симонова отозвать, поучиться коммунизму, а на его место прислать из Советской России другого консула, который мог бы соответствовать своему назначению»⁹².

25 апреля 1918 года Ключин направил Литвинову послание «от группы политических беженцев в Австралии», протестующих против назначения Симонова, «недостойного» должности консула⁹³. В вину ему ставились многочисленные интервью австралийским газетам. За два месяца, прошедшие после его назначения, он успел пообщаться с корреспондентами «Дэйли стандарт», «Дэйли мэйл» и «Уоркерз лайф». «Дэйли стандарт» была лейбористской газетой, Уоркерз лайф («Рабочая жизнь») – печатным органом СРР-К и лишь либеральная «Дэйли мэйл» характеризовалась буржуазной направленностью. Но для Ключина и его единомышленников дело было даже не в идеологической направленности этих изданий. Сам факт интервью Симонова истолковывался как свидетельство его политической незрелости, он-де искал личной популярности, власти и денег⁹⁴.

О том, что общение с прессой – нормально для дипломата, позволяет ему более эффективно выполнять свои обязанности, дает возможность формировать позитивный образ своей

⁸⁹ См.: Борьба классов. 1933. № 2, с. 78–97.

⁹⁰ АВПРФ, ф. 04, оп. 4, п. 21, д. 298, л. 2.

⁹¹ Там же, л. 3.

⁹² Там же.

⁹³ Там же, л. 1.

⁹⁴ Там же, л. 2.

страны в местном общественном мнении, Быкову и Ключину в голову не приходило. Наверное, в их представлении идейный революционер должен был разговаривать с людьми только «с Лениным в башке и с наганом в руке». Ну, а раз Симонов не такой (или не совсем такой), значит преследует свои корыстные интересы. И поддерживает его та часть русской колонии, у которой нет идеалов и которой нужно только одно – паспорта для выезда на родину⁹⁵.

«Мистер Симонов, – уверял Ключин, обращаясь к руководителям НКВД, – персона весьма незначительная и мы опасаемся, что он будет неправильно представлять Русскую революцию и вообще принесет больше вреда, чем пользы русскому рабочему движению. Мы бы приветствовали, если бы Вы предоставили право представлять Русское правительство в Австралии местным Советам делегатов различных русских организаций и групп в Австралии»⁹⁶.

В существование «местных Советов» верится с трудом. Речь шла о сравнительно небольшой группе политических эмигрантов с неудовлетворенным честолюбием, которые бешено завидовали Симонову и ничем не гнушались, чтобы убрать его с поста консула.

Симонов в отдельных случаях находил способы упреждать «вражеские выпады» и перехватывал доносы. Любопытно, что оригинал письма, цитировавшегося выше, сохранился в его личном архиве, который он вывез в Москву три года спустя. Не исключено, что оно было передано ему кем-то из его сторонников. На письме нет каких-либо пометок, подтверждающих, что оно было официально зарегистрировано в НКВД. Зато имеется штамп “*Russian People’s Embassy*” («Российское народное посольство») с указанием, что письмо получено 29 июня 1918 года. Можно предположить, что это – один из штампов представительства Симонова, который вследствие отказа властей признать его консулом искал какие-то другие формы для своего представительства.

Ему приходилось очень нелегко и вряд ли удавалось перехватывать и упреждать все доносы. Он вел борьбу с разношерстной и многочисленной компанией. Но хватало и тех, кто его поддерживал. На собраниях, вопреки заявлениям Ключина и Быкова, русские «неизменно голосовали большинством голосов» за Симонова, и его назначение «вполне одобрялось и горячо приветствовалось» и такого рода резолюции поступали «из всех уголков Австралии»⁹⁷. Это его собственные слова. Допустим, он преувеличивал степень своей популярности. Но не будь у него серьезной поддержки, разве смог бы он выстоять в конфронтации с «ключинцами» и «быковцами»?

Он парировал обвинения своих недругов и сам писал в НКВД, подчеркивая, что те пытаются не допустить развития отношений между СССР и Австралией и хотят поставить под свой контроль российскую общину в этой стране⁹⁸. Тем не менее, поступавшие в Москву доносы не могли не зародить у руководства НКВД определенные сомнения в профессиональных качествах Симонова, в его нравственном облике.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ П. Симонов. Три с половиной года... С. 62.

⁹⁸ АВПРФ, ф. 04, оп. 4, п. 21, д. 298, л. 12.

Под красным флагом

Итак, первый год консульства Симонова завершился с неутешительными итогами. Власти его не признали, попытки наладить отъезд эмигрантов на родину не увенчались успехом. Международная политическая атмосфера не способствовала сближению Австралии с Советской Россией. Антанта взяла курс на смену большевистского режима. На территорию РСФСР пришли интервенты. В британский контингент, дислоцированный на севере России, входили австралийские солдаты и офицеры. Австралийский эсминец «Свон» был направлен в Черное море для поддержки ВМС союзников и армии генерала П. Н. Краснова.

Блокада большевистского государства привела к практически полному сворачиванию его контактов с державами «Сердечного согласия». Все транспортные связи были прерваны. В этой ситуации Симонову можно было не помышлять о легализации своего статуса и репатриации эмигрантов. Консульские дела были отложены в сторону, заниматься ими стало совершенно невозможно.

Что оставалось? Свою главную задачу в сложившихся условиях он видел в помощи своей стране, в революционной пропаганде и агитации. Это был осознанный вызов власти имущим, местному истеблишменту. Не захотели меня признать, не откликнулись на мои просьбы, значит, я не связан никакими обязательствами.

С начала сентября 1918 года Симонов ездит по стране, выступает с зажигательными речами, рассказывает об опыте русской революции, о том, что его следует распространить на другие страны. «Объехал все центры с лекциями, писал статьи почти во всех рабочих газетах»⁹⁹. Он пишет брошюру «Что такое Россия». Социальные низы ему рукоплескали, а официальные круги и средства массовой информации (за исключением левых изданий) возмущались поведением русского, пустившегося во все тяжкие.

«Буржуазная же пресса все больше и больше усиливала атаки против меня, указывая, что я претендую быть дипломатическим представителем лишь для удобства в своей большевистской пропаганде, что моя связь с рабочими организациями, мои лекции и статьи, якобы для объяснения русской революции, являются возмутительной, преступной пропагандой против войны и против британского и австралийского правительств и против существующего в империи строя, что такая пропаганда в стране недопустима и тем более недопустима была бы, если бы я действительно был консулом»¹⁰⁰.

Симонов нарушал общепринятые дипломатические нормы и использовал свое положение консула, хоть и непризнанного, для политических акций, не считая это зазорным. В своем отчете НКВД он признавал: «Единственной моей целью, конечно, было использовать это положение для пропаганды»¹⁰¹. Если брать весь период его пребывания на посту консула, то это определенное преувеличение. Нужно помнить, когда писались эти строки. Приехав в 1921 году в РСФСР, Петр Фомич, прежде всего, подчеркивал свою идейность и революционную преданность (особенно, учитывая поступавшие на него доносы), а не дипломатические достижения. Но применительно к осени 1918 года сказанное точно отражало его настрой и подход.

Одной пропагандой дело не ограничивалось: Симонов активно участвовал в митингах и демонстрациях под антивоенными, антикапиталистическими и социальными лозунгами. Едва ли властям могли понравиться призывы «покончить с капиталистической системой»¹⁰².

⁹⁹ АВПРФ, ф. 04, оп. 4, п. 21, д. 21, л. 21.

¹⁰⁰ П. Симонов. Три с половиной года... С. 64.

¹⁰¹ АВПРФ, ф. 04, оп. 4, п. 21, д. 21, л. 21.

¹⁰² Там же.

Симонова стали считать русским бунтарем, будоражившим общество. «Против меня возобновили репрессии. Всем газетам и типографиям было запрещено печатать что-либо от меня, моя книга („Что такое Россия“) была приостановлена от печати, мне лично было запрещено адресовать какие бы то ни было собрания (публичные и непубличные)»¹⁰³.

Брошюру «Что такое Россия» (это была не книга, а небольшая брошюра) ему все же удалось издать, но она была тотчас запрещена цензурой.

Власти увязывали деятельность Симонова с радикализацией австралийского рабочего движения во второй половине 1918 и начале 1919 года, к чему приложили руку русские политэмигранты. Они организовали ряд массовых акций, проходивших под красными флагами и с пением «Интернационала». Некоторые привели к открытым столкновениям с полицией и отрядами так называемых «лоялистов», формировавшихся из демобилизованных солдат. «В антибольшевистской кампании, – пишет австралийский историк В. Крупник, – приняли участие и демобилизованные солдаты из состава британских экспедиционных сил в России. Один из них – уроженец России Берк – рассказал в брисбенской печати о жестоким обращении большевиков с ранеными и пленными контрреволюционерами и солдатами японского оккупационного корпуса на Дальнем Востоке». Все это нагнетало антироссийские настроения и вызывало требования принять меры против местных русских вплоть до полного «избавления от этих паразитов»¹⁰⁴.

Активность консула-трибуна все больше раздражала официальные круги. В течение второй половины 1918 года отношение к нему стремительно ухудшалось, прежняя относительная терпимость сменилась неприкрытой враждебностью. Она еще больше усилилась, когда Симонов возглавил кампанию протеста под лозунгом «Руки прочь от Советской России». Ездил по городам и весям, призывая пролетариат встать на защиту «завоеваний социализма». Хотя 19 сентября в Австралии была запрещена публичная демонстрация красного флага «как символа вражеской страны», на многих митингах с участием Симонова этот запрет нарушался.

6 сентября в Лондоне арестовали Литвинова. Австралийцы тут же выписали ордер на арест Симонова, правда, решили с этим немного повременить. «Когда в Лондоне был арестован тов. Литвинов, я был в Брисбене и сочувственники из военного штаба мне сообщили, что подписано распоряжение о моем аресте (warrant). Однако арестован я не был»¹⁰⁵. Возможно, власти не торопились обострять социальную ситуацию с учетом популярности Симонова среди рабочих, надеялись, что узнав о грозящем ему заключении, он одумается и исправится.

В соответствии с Актом о введении ограничений военного времени и рядом других связанных с ним декретов (включая Акт об ограничении прав иностранцев – *Aliens Restrictions Act*) жизнь находившихся в Австралии граждан других стран жестко регламентировалась. Им запрещалось принимать участие в общественной жизни, власти могли интернировать или арестовывать их за деятельность, противоречившую национальным интересам. Но ни Симонов, ни его товарищи не умерили свои бунтарские настроения и не прекратили публично выступать.

Он не сомневался, что арест неминуем. Приходило одно предупреждение за другим. 24 сентября пришло письмо бригадного генерала Дж. Х. Ирвинга, начальника 1 военного округа, с требованием исключить из публичных выступлений Симонова любые вопросы, имевшие отношение к военным действиям¹⁰⁶. Подразумевалась, конечно, антивоенная рито-

¹⁰³ АВПРФ, ф. 04, оп. 4, п. 21, д. 298, л. 21–22.

¹⁰⁴ В. Крупник. Red Flag Riots – волнения под красным флагом // australiarussia.com/REDFLAGRIOTS.html.

¹⁰⁵ П. Симонов. Три с половиной года... С. 64.

¹⁰⁶ АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 1, л. 25.

рика. Буквально говорилось следующее: «В соответствии с параграфом 17 Акта 1915 года об ограничении прав иностранцев, я, Джеффри Джордж Хоуи Ирвинг, запрещаю Питеру Симонову из Брисбена публично выступать или принимать участие в каких-либо собраниях, на которых обсуждаются любые вопросы, так или иначе связанные с ведением войны, или принимать участие в любой пропагандистской деятельности, имеющей отношение к войне. Если вы не станете следовать этому запрету, это будет означать, что вы поступаете вопреки полученному указанию»¹⁰⁷.

Симонов тут же отправил послание Уотту, оспаривая запрет и пытаясь сохранить за собой право на публичные выступления. Поскольку, «австралийская пресса чудовищно искажает положение дел в Советской России», он, будучи «генеральным консулом», просто обязан «время от времени» разъяснять общественности, как в реальности обстоят дела на его родине. Что до антивоенной тематики, то было сказано следующее: «...Когда я говорю о войне, то только с целью показать ее последствия для моей страны». Если же его деятельность не по вкусу властям, добавлял консул, то он видит «единственную альтернативу» – дать ему разрешение на выезд из Австралии¹⁰⁸.

Отдадим должное терпению австралийцев, они пытались избежать жестких мер в отношении Симонова – консул все-таки, пусть и непризнанный. Офис премьер-министра снова и снова упрашивал его соблюдать законы¹⁰⁹, но все напрасно. Советский представитель отвечал письмами-протестами, рассчитывая оттянуть неприятную для него развязку.

В октябре он посетил с лекциями Ньюкасл, Сидней и Мельбурн, где его восторженно встречали члены профсоюзных и социалистических организаций. Это не осталось незамеченным. 3 ноября бригадный генерал Р. Э. Уильямс, командующий 3 военным округом, направил Симонову грозное напоминание: «Петру Симонову, иностранцу» запрещается любая пропагандистская деятельность, этот запрет носит всеобъемлющий характер и распространяется на «все собрания на территории Австралийского Союза»¹¹⁰.

Симонов закрывает свой офис в Мельбурне. Денег катастрофически не хватало, но не это было основной причиной. Он был слишком поглощен пропагандистской деятельностью, чтобы заниматься консульскими делами. К тому же отлично понимал, что его вот-вот арестуют. Это произошло в Мельбурне 3 ноября. Затем Симонова перевезли в Сидней, где должен был состояться суд.

5 ноября ему вручили извещение, в котором говорилось, что он подлежит судебному преследованию за нарушение Акта о об ограничениях военного времени и Акта об ограничении прав иностранцев. В частности, ему вменялось в вину то, что «будучи иностранцем, он выступал на митинге в Сиднее 15 октября 1918 года» вопреки данным законам. Хотя извещение было подписано генерал-майором Дж. Л. Ли, Симонов уведомлялся, что судить его будет гражданский суд, а не военный трибунал¹¹¹. Это было ему на руку. Военные судьи могли повести себя покруче гражданских, не стали бы церемониться с наглым и неугодным стране «штафиркой». Очевидно, австралийские власти не рискнули перегибать палку. Симонову предстояло участвовать в открытом процессе, что давало достаточно широкие возможности для защиты.

Процесс начался 12 ноября. С Симоновым в паре шел Перси Брукфилд, которого тоже задержали в начале месяца. Его положение было не столь угрожающим. Бруки не был иностранцем и нес ответственность только за антивоенную пропаганду. Он внес установленный

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же, л. 26.

¹⁰⁹ Там же, л. 28–29.

¹¹⁰ Там же, л. 29.

¹¹¹ Там же, л. 34.

залог за себя и за своего русского друга (по 500 фунтов)¹¹², что позволило им оставаться на свободе до решения суда.

В ходе процесса заслушали показания филёров, проще говоря, шпииков, которые следили за Симоновым и конспектировали все его выступления. Один из них, Ф. У. Грив показал, что 10 и 16 октября 1918 года он присутствовал на собрании Социал-демократической лиги в Брисбене, в котором приняли участие 150–170 человек «всех национальностей». 20 октября он посетил собрание «в помещении Австралийской социалистической партии в Сиднее»¹¹³. Гриву ассистировали детективы Бакстер и Хиггинс.

Филёрские отчеты – любопытнейший документ. Грив скрупулезно записывал все сказанное Симоновым, по сути, он представил в управление полиции и в суд подробнейшее изложение выступлений советского представителя. Это – характерное свидетельство не только тщательной и добросовестной работы органов правопорядка, но и взглядов Симонова, его мировоззрения, восприятия происходившего в России и в мире. Документы говорят о том, что он отнюдь не был невежей и выскочкой, каким его изображали в своих доносах групповцы. Видно, что это человек достаточно эрудированный, умевший ясно и аргументированно доносить до слушателей свои доводы.

Он говорил, как убежденный большевик, давал оценку событиям в бывшей Российской империи в точном соответствии с ленинскими установками. Подчеркивалась закономерность революции и вскрывалась «несостоятельность» измышлений буржуазной прессы – будто Ленин и Троцкий действовали как агенты германского генштаба.

Вместе с тем Симонов не ограничивался пропагандистскими клише, излагал свою точку зрения весьма убедительно, ссылаясь на множество фактов российской истории XIX – начала XX в. Декабристы, Герцен, книга Чернышевского «Что делать», особенности участия России в Первой мировой войне... Возможно, это был дежурный набор большевистского агитатора, но чтобы его освоить требовались определенные интеллектуальные способности. Наставничество товарища Артема не прошло даром.

Существенное дополнение. Симонов неуклонно придерживался нужной идеологической линии, как человек, постигший политграмоту. Вместе с тем у него хватало осторожности и такта обойтись без открытых призывов к свержению власти.

Правительственным чиновникам едва ли могла понравиться трактовка Симоновым Брестского мира (в духе официальной советской интерпретации), но он избегал каких-либо «пораженческих» тезисов и даже подчеркивал важность разгрома «прусского милитаризма».

Не было в лекциях Симонова и прямых призывов к революционному насилию в Австралии. Впрочем, и «непрямых» призывов было достаточно, чтобы обвинить советского консула в подрыве устоев. Например, отвечая на вопросы, он предлагал австралийским рабочим «делать то же, что делают русские». А рассуждая о целесообразности «политического действия» (выборы и пр.), высказался следующим образом: дескать, все это пригодится, но только после революции¹¹⁴. Вполне советский подход – вначале революционное насилие, которое позволит передуть всех, кто может голосовать «неправильно» и лишь после – само голосование. Впоследствии в СССР именно эта модель была взята за основу.

Судебный процесс тянулся более четырех месяцев, до конца марта 1919 года. Все это время Симонов безуспешно ссылался на свою дипломатическую неприкосновенность и неправомочность суда. Эти возражения отменялись, но австралийцам не хотелось доводить дело до заключения ответчика в тюрьму. Сейчас он лицо неофициальное, а потом мало ли что... Поэтому Симонову была предложена сделка. Приговор выносится обвинительный, но

¹¹² Там же, л. 35.

¹¹³ Там же, л. 46.

¹¹⁴ Там же, л. 50–57.

– по просьбе Симонова – с отсрочкой наказания до его отъезда из Австралии. Когда бы ему разрешили этот отъезд, никто не знал, поэтому Петр Фомич мог какое-то время (может, и достаточно долгое) оставаться на пятом континенте, не рискуя своей свободой. От любой незаконной пропагандистской деятельности он, естественно, отказывался.

Подобный компромисс его не устроил. «Я категорически отказался от такого освобождения, так как это равносильно было бы признанию законности суда, и требовал безусловного освобождения, как неподсудного»¹¹⁵. Тем не менее, власти не теряли надежды уговорить Симонова. В январе он получил письмо от Уотта – через Консидайна, встречавшегося с исполняющим обязанности премьера по поводу своего русского товарища. Теперь предлагался отъезд из Австралии сразу после освобождения. Вроде бы он хотел этого... Но в своем ответе от 13 января 1919 года Симонов заявил, что даст свое согласие лишь при условии снятия с него всех обвинений. В противном случае он оказался бы в «ложном положении», и его отъезд стал бы напоминать бегство¹¹⁶.

«Я удивлен получить такое предложение от премьер министра Содружества, – писал Симонов, – который мог не приостановить, а полностью снять с меня обвинения... и тогда я уехал бы. Мое правительство располагает своими представителями во всех частях света, которые действуют так же, как и я. И хотя некоторые из них, как и я, не были признаны официально, тем не менее, к ним относились как к представителями русского народа, и не было случая, чтобы кто-либо из них подвергся таким же оскорблениям и преследованиям, какие я испытал по милости федеральных властей Содружества. Хотя мой коллега Литвинов был задержан в Лондоне, его не только немедленно освободили, но еще предоставили все возможности, чтобы он уехал в страну по собственному выбору»¹¹⁷.

Переписка продолжалась и в феврале, но позиции сторон практически не менялись. Уотт уговаривал Симонова подать прошение о приостановлении приговора, а тот твердил, что такое прошение было бы равносильно просьбе о помиловании. Будь он частным лицом, то, может, и согласился бы, а вот как генеральный консул (время от времени он именовал себя «генеральным») пойти на такое не имеет права. «Как представитель 150-миллионного народа, считаю возмутительным то, как со мной обошлись, подвергнув судебному преследованию и предложение незаконно покинуть страну является невыносимым оскорблением»¹¹⁸.

«Вы можете делать со мной все, что вам заблагорассудится, но такого заявления я не подпишу!», – пафосно восклицал он. Судили его, дескать, не за нарушение закона, а за то, что он «большевистский представитель». Поэтому и речи ни о каких компромиссах быть не могло. «Если признаете меня как генконсула, останусь и буду выполнять свои обязанности. Если нет – обеспечьте возможность переезда в Европейскую Россию и безоговорочное снятие всех обвинений»¹¹⁹.

Все-таки иногда Симонов проявлял слабость и допускал намеки на возможность сделки. Так, он интересовался, каким маршрутом его могут вывезти из Австралии. Наверное, это было в тех случаях, когда его охватывало отчаяние в связи с полным отсутствием контакта с Москвой. Он подозревал, что вызвано это не только удаленностью Австралии, но и отсутствием к нему интереса со стороны НКВД. Никто не спешил к нему на помощь, как к Литвинову, который провел в заточении всего десять дней и через месяц отбыл на родину. И Воровского поддержали, когда его выдворяли из Швеции. Осознание своего оди-

¹¹⁵ П. Симонов. Три с половиной года... С. 65.

¹¹⁶ АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 1, л. 65.

¹¹⁷ Там же, л. 65.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же, л. 69–70.

ночества удручало, и требовалась немалая выдержка, чтобы не прогнуться перед австралийскими властями.

Суд приговорил его к году каторжных работ. Он тут же объявил: хотя Австралия не признала его дипломатический статус, вынесенный приговор – вопиющее нарушение международных норм. «Никакой другой консул в мире не подвергался таким преследованиям и несправедливостям, которые я испытал от федеральных властей»¹²⁰. В письме главному редактору левого журнала «Буллетин» он подчеркивал, что делал лишь то, что обязан был делать: «Это был мой долг с самого первого дня моего назначения – предоставлять австралийскому народу как можно больше информации о России»¹²¹.

Хотя суд предусмотрел возможность замены заключения выплатой крупного штрафа и Брукфилд готов был и на этот раз выручить русского товарища, тот пошел на принцип. Заплатив штраф, он косвенно признал бы правомочность судебного решения, с чем был категорически не согласен. Оставалось отбывать срок в «ужасных», по его словам, тюрьмах.

Тот факт, что судебные власти отправили в тюрьму консула, хотя и формально непризнанного, вызвало беспокойство в местном дипломатическом корпусе. Зарубежные консульские представители направили Симонову официальную ноту с выражением сочувствия и поддержки. О ее содержании можно судить по ответному письму, которое от имени Симонова отправил Брукфилд:

«3 апреля я встретился с русским генеральным консулом Петром Симоновым в тюрьме Лонг-Бэй, где он в настоящее время находится в заключении. В связи со своим тюремным положением он не в состоянии лично ответить на вашу ноту и попросил меня выразить вам свою благодарность. Далее он просил сообщить, что привлекает ваше внимание к данному вопросу, не рассчитывая на то, что вы предпримете какие-либо шаги или окажете помощь ему лично. Его цель – довести до вашего сведения, что предпринятые в отношении него действия являются нарушением международных дипломатических норм и заслуживают осуждения как очень опасный прецедент»¹²².

Симонов содержался сиднейской тюрьме Лонг-Бэй, в тюрьме города Мэйтленд и других подобных заведениях. Свое пребывание там он запечатлел в написанном на английском языке очерке «Кое-что из моего тюремного опыта» (*"Few Points From My Gaol Experience"*). Дошло ли дело до публикации, неизвестно, в архиве сохранился черновой вариант текста. В любом случае, он заслуживает того, чтобы привести его в нашей книге, за исключением некоторых малозначащих фрагментов. Речь в нем идет не только о том, что лично пережил Симонов, он делился своими впечатлениями о пенитенциарной системе Австралии, о том, какое губительное воздействие она оказывала на заключенных. При переводе сохранен пришедший Симонову стиль изложения.

¹²⁰ R. Evans. The Red Flag Riots. Цит. по: Russia and Australia – two centuries // <http://australiarussia.com/redflagriotsENFIN.htm>.

¹²¹ АВПРФ, ф. 65, оп. 3, п. 1, д. 1, л. 20.

¹²² АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 5, л. 17.

«Кое-что из моего тюремного опыта»

«Какой у меня был опыт, как со мной обращались? Что собой представляет тюрьма? Как она воздействует на человека? Эти и много других подобных вопросов я задавал людям разного положения. Чтобы должным образом ответить на все эти вопросы мне пришлось бы написать книгу солидных размеров, и позднее, возможно, я так и поступлю. А в этой статье я расскажу лишь о некоторых моментах из моего тюремного опыта.

Первый из тех, кто задал мне первый вопрос из упомянутых мною, был Генеральный инспектор тюрем. Я ему сказал, что не могу пожаловаться на грубое обращение со стороны надзирателей тюрем, в которых я находился. Генеральный инспектор сказал, что его весьма удовлетворил мой ответ. На самом деле я мог бы доставить ему еще большее удовольствие, сообщив, что его служащие не только не подвергали меня грубому обращению, но, напротив, в большинстве своем относились ко мне с большой предупредительностью, особенно в тюрьме «Мэйтленд». Тем не менее, в отдельных случаях ими допускались ошибки, которые влекли за собой весьма неприятные для меня испытания. Когда человек подвергается суровому наказанию, даже малейшие ошибки ужасно усугубляют это наказание. Конечно, за каждой ошибкой следовали объяснения и выражение всяческого сожаления, и я эти извинения и объяснения принимал.

Увы, эти ошибки доводят до безумия или даже до безвременной кончины сотни, нет, тысячи несчастных. Что же это за страшные ошибки? О, какие в сущности пустяки. Тому, кто не находился в заключении, не понять всего их значения. Более того, как бы я ни старался представить в черном цвете тюрьмы, в которых мне пришлось побывать, действительность на самом деле еще чернее. Ни я, никто другой не сумеет донести до людей, не прошедших через это, реальную картину тюремной жизни. Надо через это пройти, чтобы понять.

...Давайте посмотрим, насколько это возможно, что такое тюрьма. Можете представить себе каменный мешок шесть на шесть футов? Каменный пол, каменный потолок, каменные стены. Маленький стол, маленький стул, коврик у двери – вот и вся обстановка этого каменного мешка. Вскоре после четырех часов дня вас там запирают – на время ужина. Затем приходят вас обыскивать. Пока тюремщик ведет обыск, вы стоите лицом к стене – в жилете, куртке, шляпе. На ногах шлепанцы, ботинки требуется снимать. Потом вам командуют: «Повернуться направо». Вы поворачиваетесь и становитесь лицом к офицеру. При этом нужно снять шляпу, куртку, жилет, шлепанцы, вышвырнуть их из камеры и вывернуть карманы. После тщательного обыска вам разрешается стать лицом к двери – чтобы увидеть, как в камеру вбрасывают ваши шляпу, жилет, шлепанцы, три грязных вытертых одеяла (зимой), такого же сорта коврик, гамак и ночной горшок. С этого момента вы заперты на всю ночь – за стальной решеткой и стальной дверью с засовами и замками. Свет выключают в шесть – для осужденных на короткие сроки, и в девять – для тех, кто осужден на длительные сроки.

Итак, ночь вы проводите в одиночестве. В шесть утра раздаются удары в колокол. Открывается дверь, чтобы вы могли вынести спальные принадлежности и забрать свои ботинки. Когда вы обуваетесь, вас снова запирают. Вновь выпускают для того, чтобы вынести ночную посудину, умыться и встать в строй для переключки. Потом опять сидите заперти. Около восьми – очередной сбор, переключка и можно приступать к работе. Прямо перед полуднем еще один сбор, и вас загоняют в камеру до часу дня. Далее – следующий сбор и работа до четырех, завершает которую все тот же общий сбор. После этого – снова в камеру на всю ночь, и дальше все идет так, как я уже описывал.

В субботу работа после полудня отменяется. Ее заменяют физические упражнения в виде прогулки по кругу, в цепочку по одному. Разговаривать запрещено. В этом я убедился

на своем горьком опыте, перебросившись несколькими словами с другим заключенным. Нас посадили под замок и лишили прогулок. (В «Мэйтленде» во время прогулок можно было разговаривать столько, сколько захочешь).

По воскресеньям работы не было. Два часа мы гуляли, час проводили в церкви, а остальное время сидели по камерам.

...За величиной порций следили очень строго, мерили в унциях. Но к несчастью было столько «усушки и утруски», что бог знает сколько этих унций доходило до заключенных.

До моего назначения библиотекарем и кладовщиком я понятия не имел, что в вечерний чай (его дают всем заключенным после месяца пребывания в тюрьме) кладется сахар. Я столкнулся с этой загадкой лишь тогда, когда сам взвешивал этот сахар.

Конечно, кукурузная каша достается всем. Но это штука настолько противная, что поначалу, несмотря на скудость всего рациона, люди от нее отказываются. Потом муки голода заставляют съедать ее хотя бы частично, ну, а после какого-то времени вы съедаете ее всю. Более того, вы уже готовы съесть больше, чем вам дают. Вот так живет заключенному, какими бы правами и привилегиями он ни располагал.

...Чтобы лучше понять, насколько жалок пищевой рацион, достаточно упомянуть следующее. Несмотря на свое пристрастие к чистоте и гигиене в том, что касается приема пищи, в тюрьме «Лонг-Бэй» я научился есть вареные сладкий картофель и тыкву неочищенными, чтобы не лишиться ни крошки пропитания, и все равно после обеда мне казалось, что я еще голоднее, чем до него. Иногда голод доводил просто до помешательства.

Особенно я мучился в одной из тюрем, где имелась возможность определенным способом красть продукты и ежедневно получать хороший сэндвич или просто хлеб с мясом. Так как я не стал заниматься воровством, меня называли долбаным придурком. Неписанный тюремный закон гласит: «Хватай все, что под руку подвернется».

Сейчас, когда все позади, я невообразимо рад, что не последовал этому закону. Но признаюсь, у меня нет уверенности, что я ему не последовал бы, если бы мое заключение продлилось дольше. Не так долго можно продержаться с подобным голодом. Обычно человек в зависимости от своих физических возможностей может выдержать от 9 до 18 месяцев. После этого голод идет на убыль, и вы... едите все меньше и меньше.

В связи с моим исключительно примерным поведением в последние несколько недель мне, вероятно, предоставляли больше свободы, чем другим заключенным. И я получил возможность наблюдать за всеми тонкостями тюремной жизни.

Мне, конечно, по-прежнему не хватало еды, не считая того времени, когда меня свалила инфлюэнца и я вообще ничего не хотел есть. Однажды один из осужденных на длительный срок дал мне часть своего хлебного пайка. Я подумал, причина была в том, что он сочувствовал мне и потому обделил себя в мою пользу. Чтобы выяснить, в чем дело, я несколько раз пробирался в его камеру в его отсутствие и всякий раз находил там хлеб, в котором он не нуждался. Он давал часть своей порции хлеба кому-то еще. Он не ел лущеную кукурузу, а как-то признался мне, что не ел овощи тоже. Это возбудило мое любопытство, и я решил проверить других осужденных на длительные сроки и обнаружил, что так обстоит дело у большинства из них. Итак, значительная часть их пищевого рациона не использовалась.

...Возможно, все было бы не столь уж скверно, если бы к этой физической деградации не добавлялась деградация умственная... Работая библиотекарем, я получил хорошую возможность уяснить это. Происходило то же самое, что с приемом пищи, даже в большей степени. В первые месяцы вам полагается читать только Библию и кое-какую религиозную литературу. Затем, в последующие три месяца, вам дают кое-какие «образовательные» книги. Потом в течение двух месяцев разрешается брать одну художественную книгу за раз (книги меняются дважды в неделю). Ну, а через шесть месяцев вы обретаете право брать одновременно две художественных книги и журнал. Неважно, когда были изданы эти жур-

налы и что за книги имеются в тюремной библиотеке – в существующих условиях узник фактически не располагает возможностью выбирать книги по своему вкусу. К тому же трудно настроиться себя на серьезное чтение в каменном мешке, где практически отсутствует освещение. Так что какое-то время вы испытываете книжный голод, но потом он ослабевает и, в конце концов, вы приходите в то же состояние, как и с потреблением пищи, становитесь интеллектуально сломленным. Добавьте к этому полную оторванность от внешнего мира. Если даже вам удастся как-то сохранить себя физически и умственно, своим в среде обычных людей вы уже не станете. Останетесь меченым, изгоем на всю оставшуюся жизнь.

Имеется еще одна существенная сторона тюремной жизни. По за конам некоторых штатов допускается тюремное заключение без принудительных работ, но по сути такие приговоры никогда не выносятся. Все приговариваются к отбыванию трудовой повинности. Но хотя каждый заключенный обязан выполнять определенную работу, они не занимаются по-настоящему значимым, серьезным трудом. Работают примитивно, по старинке. Тачают ботинки, шьют рубашки, плетут соломенные шляпы, коврики, даже плотницкое и кузнечное дело поставлены так, как сотни лет назад. Даже лучший специалист, пробыв здесь двенадцать или более месяцев, утрачивает профессиональные навыки и, выйдя на свободу, не может конкурировать с самыми жалкими ремесленниками.

В итоге человек превращается во всех отношениях в развалину. И если он выходит из тюрьмы, не имея ни собственности, ни родственников, которые могли бы его поддержать и помочь восстановиться, уже через пару недель, в лучшем случае, через пару месяцев он вернется сюда снова – скорее всего, за какое-то глупейшее правонарушение, поскольку на серьезное преступление он уже не способен, если только его не используют крупные преступники.

С глубокой скорбью и болью я вынужден сообщить, что двенадцать членов ИРМ были совершенно сломлены физически и духовно (организация «Индустриальные рабочие мира» в Австралии была объявлена вне закона и ее руководители осуждены на сроки от 10 до 15 лет тюремного заключения – авт.). Я видел четырех из них и с двумя в течение двух месяцев вел длительные и откровенные беседы, мы оставались наедине больше, чем по три часа в неделю.

Так что напечатанное в «Сидней морнинг геральд»¹²³ 4 июля (1919 года – авт.) заявление Генерального контролера тюрем С. М. Каули о «постоянном улучшении работы с заключенными с целью повышения их профессиональной квалификации и наделения их позитивным мировосприятием» – просто чушь. Тюрьмы под его управлением сегодня реформированы в той же степени, что и сто лет назад. Более того. Если бы даже он искренне желал реформировать эти тюрьмы и принял такое решение, ничего бы не вышло. Затея оказалась бы бесплодной и бесполезной. Нынешняя система управления тюрьмами предоставляет широкие возможности бессовестным чиновникам для наживы.

...К сожалению, тюремщики и не помышляют о каких-либо реформах. Как-то я спросил начальника одной из тюрем, в которых находился: «В чем, по вашему мнению, состоит главная задача тюрьмы?». «Наказание», – последовал мгновенный ответ. Большинство тюремщиков – невежественные, ленивые, тупые грубияны. Перед тем, как поручать им что-либо реформировать, их надобно реформировать самих, они в этом нуждаются больше, чем некоторые заключенные.

...Во всех капиталистических странах, по всему миру тюрьмы не являются чем-то особенным. Они составляют единое целое с правовой системой, полицией и психиатрическими лечебницами. Все эти институты – неразделимые части одного целого. Тюрьмы как тако-

¹²³ Одна из ведущих австралийских газет.

вые существуют для оправдания существования судов и полиции, необходимых для защиты класса правителей и грабителей, кем по большому счету являются капиталисты.

...Мир в сохраняющихся поныне условиях безжалостной эксплуатации человека человеком – это ад, и тюрьмы представляют собой лишь наихудшую его часть. И я не вижу особого смысла в удалении этой наихудшей части, потому что раковая опухоль все равно будет развиваться с той же интенсивностью, только в отличных формах. Да, тюрьма – это ад, и раем ему никогда не стать. Однако если рабочие осознают свою силу, они с легкостью сумеют со всем этим покончить»¹²⁴.

Многие мысли и наблюдения, содержащиеся в очерке Симонова, носят отрывочный характер, остается ощущение недосказанности. Например, автор отмечает, что обращались с ним в целом неплохо, но указывает на некоторые «ошибки», даже «страшные ошибки» в действиях тюремщиков, которые усугубляли его страдания. Что за ошибки толком не разъясняется. От издевательств со стороны уголовников Симонов был избавлен. Как-то он указывал, что однажды его перевозили «с пятью так называемыми „джентльменами“, среди которых были убийцы»¹²⁵, но никаких агрессивных действий с их стороны не последовало.

Разумеется, тюремная жизнь не сладкая, но выводы о «физической и умственной деградации» недостаточно подкреплены фактами. В сохранившемся наброске говорится о том, что заключенных плохо и мало кормили, не предоставляли достаточных возможностей для чтения и это, дескать, отучало их принимать пищу, а заодно думать. Аргументация не совсем убедительная. В иных местах лишения свободы узники были бы счастливы регулярно получать тот рацион, который приводил в ужас Симонова, и дважды в неделю пользоваться библиотекой.

Впрочем, главное для нас – не отыскивать нестыковки и несуразности в этом тексте, который, повторим, не более, чем черновик, а понять, какие особенности мировосприятия и характера Симонова высветил тюремный период. Сам факт, что он отправился в тюрьму, хотя мог ее избежать, подтверждал его приверженность революционным идеям, нежелание поступаться принципами. Это был способ продемонстрировать свое мужество, правоту своего дела, привлечь внимание к русской революции, вызвать сочувствие австралийской общественности к Советской России и в то же время бросить вызов властям. Свидетельство того, что человеком он был отважным и упорным.

Тюрьма стала для него огромным потрясением, но своим взглядам он не изменил, и стремления помериться силами с буржуазным государством у него не поубавилось. В заключении он не располагал возможностью получать информацию с воли, но верил, что «товарищи по оружию» продолжают борьбу.

Печатный орган СРР-К «Знание и Единение» продолжал издаваться, в том числе на английском языке. Это было осмысленным решением. Читательская аудитория расширялась (на одних русских, которых на пятом континенте становилось все меньше, нельзя было ориентироваться), охватывая «наиболее сознательную» часть австралийских трудящихся. В отсутствие Симонова газету редактировала Цива Розенберг, больше известная, как «Фанни». Она была активным работником эмигрантского Союза и вышла замуж за Зузенко, который тоже не сидел без дела: готовил совместные акции русских и австралийских рабочих – за отмену Акта об ограничениях военного времени, прекращение интервенции союзников в России и освобождение советского консула. Эти акции получили название «бунтов красного флага» и произошли в то время, когда Симонов находился в тюрьме. 22 февраля СРР-К объявил себя «советской» организацией.

¹²⁴ АВПРФ, ф. 65, оп. 3, п. 1, д. 1, л. 46–57.

¹²⁵ Там же, л. 20.

Полиция и лоялисты готовились к отражению натиска радикалов. В помещениях Союза были проведены обыски, выявившие наличие революционной литературы, красных флагов, печатного оборудования и огнестрельного оружия. В январе-марте 1919 года лоялистские группы слились в Объединенный лоялистский союз, который к марту насчитывал 70 000 человек по всему Квинсленду¹²⁶.

На конец марта приходится кульминация революционной активности в Австралии, натолкнувшейся на решительный отпор сторонников порядка. На 23 марта была намечена демонстрация русских и австралийских социалистов, которую брисбенская администрация разрешила при условии, что демонстранты не станут поднимать красные флаги. Этот запрет был нарушен. На улицы Брисбена вышли до 1000 человек, воодушевленных революционными идеями и без рабочего знамени тут было не обойтись.

Накануне Фанни Розенберг писала в «Знании и Единении»: «Социальная революция приближается с каждым днем... Наши капиталистические хозяева слишком много едят, слишком ленивы и избегают волнений. Давайте побеспокоим их непрерывной агитацией. И пусть гром гремит на всех улицах и площадях... Да здравствует агитация, непрерывная агитация!»¹²⁷.

Шествие рабочих атаковали полицейские и лоялисты. С криками «вычистим эту мразь из Брисбена» и «выкинем русских варваров из Квинсленда» они набросились на ораторов и вожаков демонстрации. Быкова избили и пырнули ножом. Зузенко и трое его соратников, вооруженные револьверами и ружьями, защищали штаб-квартиру СРР-К. Стреляя в воздух, они какое-то время сдерживали разъяренную толпу, однако в конце концов вынуждены были отступить.

В результате погромов, продолжавшихся несколько дней, были разорены все офисы СРР-К, уничтожена библиотека. 16 смутьянов, включая Зузенко и Быкова, приговорили к штрафам и различным срокам тюремного заключения¹²⁸.

Невиданная для Австралии вспышка социальной и политической напряженности все-речь встревожила власти. В этой связи правительство Квинсленда и федеральное правительство не стали накалять ситуацию. Задержанных бунтовщиков освободили и выслали из страны. Решили также смягчить наказание Симонову.

Большую роль сыграла в этом поддержка со стороны левых лейбористов и профсоюзов, которые апеллировали не только к своему премьеру, но и к президенту США В. Вильсону и главе британского кабинета Дж. Ллойд-Джорджу. А тут еще Симонов тяжело заболел гриппом, который перешел в воспаление легких. Смерть консула, сколь бы условным ни был его статус, могла вызвать скандал и международные осложнения.

¹²⁶ В. Крупник. Указ. соч.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же.

«Я работал главным образом нелегально»

Срок заключения сократили до полугода, затем до четырех месяцев. В начале июля 1919 года Симонов вышел на свободу по специальному разрешению премьер-министра¹²⁹ и обосновался в Сиднее по адресу: *Room 28, Station House, Rawson Place*. Его положение оставляло желать лучшего. Средств на текущие расходы практически не было, австралийские власти его по-прежнему не признавали. В условиях блокады Советской России поддерживать контакты с Москвой было исключительно трудно. Информацию о ситуации на родине давала только пресса.

СРР-К еще не оправился после мартовских погромов. К тому же вновь активизировались групповцы, захватившие руководящие позиции в сиднейском отделении Союза. Они создали свою ячейку, которую Симонов назвал «Организацией 15» (по числу ее членов). В Брисбене и Мельбурне, отмечал он, отделения Союза «еще контролировались хорошими и честными рабочими (членами Коммунистической партии Австралии), но и среди них попадались индивиды, которые тем или иным образом выказывали свою враждебность по отношению к советскому правительству в России»¹³⁰. Последнее утверждение было не совсем точным. Враждебность проявлялась в отношении лично Симонова.

Полиция отслеживала каждый его шаг, корреспонденция перехватывалась и перлюстрировалась, ему запретили отправлять телеграммы. Попытки убедить власти снять ограничения долгое время оставались безрезультатными. При посредничестве Консидайна и Брукфилда он встречался и подолгу беседовал с высокопоставленными чиновниками, включая премьер-министра и генерального прокурора. В феврале 1920 года член сената Руссел заверил, что «эмбарго в отношении него снято», однако в действительности оно оставалось в силе¹³¹.

16 мая 1920 года в письме министру обороны Симонов ссылался на то, что ущемления его прав были мерами военного времени, и теперь потеряли смысл. Он-де не намерен вмешиваться во внутренние дела Австралии, в его задачи входит лишь распространение информации о Советской России.

В июле 1920 года власти наконец сняли контроль с частной переписки Симонова. Теперь он беспрепятственно получал корреспонденцию из Европы и США. Цензура перестала свирепствовать. Однако не доставлялись письма и другие почтовые отправления, адресованные ему как официальному лицу.

Свое возмущение он доводил до сведения премьер-министра и генерального почтмейстера Сиднея, однако не находил понимания. Ему объясняли: как консул он не признан, поэтому корреспонденция, адресованная ему в этом качестве, доставляться не может¹³². Между прочим, его позабавило то, что письмо с этим объяснением доставили из офиса премьер-министра, и оно было адресовано ему вполне официально: «Петру Симонову, представителю российского советского правительства». Он с иронией обратил внимание на эту неувязку в своем ответе от 23 июля 1920 года. Раз есть такой прецедент, то по логике вещей и остальная корреспонденция, направленная ему как «представителю», должна доставляться по адресу, а не перехватываться и изыматься¹³³.

¹²⁹ АВПРФ, ф. 04, оп. 04, п. 21, д. 298, л. 22.

¹³⁰ Там же, л. 12.

¹³¹ АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 7, л. 4.

¹³² АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 1, л. 121.

¹³³ Там же.

Симонов требует от властей возвращения писем, документов, бумажника с небольшой суммой денег, изъятых при его аресте, производившегося офицерами военной разведки. Ставит вопрос и о передаче ему чека на 1200 фунтов, который предположительно был направлен из Москвы в начале 1918 года, вскоре после его назначения. Об этом Симонов вскользь упоминает в письме Ф. Стрёму от 22 июля 1920 года¹³⁴. В письме Чичерину от 3 ноября того же года об этом говорится подробнее: «Когда я был назначен тов. Троцким, из Петрограда в частном письме сообщили мне, что деньги мне высылаются. Потом здесь помощнику редактора рабочей газеты “*Worker*” сообщили из правительственной канцелярии конфиденциально, что получен на мое имя перевод на 1200 фунтов и не доставлен мне, и это все, что я знаю»¹³⁵.

По решению суда все бумаги и чек были переданы Генеральному прокурору, но затем, как тот уверял, возвращены военным. В деньгах Симонов нуждался постоянно, и 1200 фунтов являлись для него целым состоянием. Документы были не менее важны. Он жаловался премьер-министру и министру обороны, требуя вернуть их, если они не уничтожены¹³⁶.

5 мая 1920 года министерство обороны кое-что вернуло – письма (не все) и крайне ценную для Симонова телеграмму от Литвинова из Лондона. Однако многое по-прежнему удерживалось.

20 мая он в резкой форме высказал свое недовольство премьер-министру: «... Должен Вас информировать, что для меня не имеет значения, какое из ведомств удерживает принадлежащие мне вещи. Остается фактом, что отсутствуют бумажник, записная книжка, телеграммы и адресованные мне личные письма из России». Никому не нравится, когда его «футболят» и Симонов давал понять, что его не провести заявлениями о том, что австралийцы не ведают, где находятся пропавшие бумаги. «Когда Вам будет угодно узнать, – писал он, – Вы, несомненно, узнаете»¹³⁷.

В ноябре министерство обороны вернуло оставшуюся часть изъятой корреспонденции и бумажник. Однако не чек. Военные стояли на своем – они ничего о нем не знают¹³⁸.

Наряду с решением вопросов, касавшихся обеспечения нормальных условий своей работы, Симонов занялся делом, которое считал для себя важнейшим: созданием Коммунистической партии Австралии.

В статье «Три с половиной года дипломатического представительства в Австралии» эту сторону своей деятельности он замалчивал, и удивляться тут нечему. Советская власть неизменно отрицала, что помогала организационно и финансово коммунистическому движению в зарубежных странах, используя с этой целью свою дипломатическую службу. Поэтому Симонов написал так: «В это время появляется сразу, как из-под земли, коммунистическая партия с тремя печатными органами, лучшим залом для массовых собраний и другим – для партийных собраний, редакции»¹³⁹.

Зато в отчете НКВД он всячески акцентировал свою роль в становлении коммунистического движения: «После тюрьмы месяцев пять я работал главным образом нелегально, хотя также написал и поместил в столичных рабочих газетах много статей. Моя нелегальная работа была по подготовке организации коммунистической партии. Я создавал ячейки и группы или секретно или под скромным названием групп самообразования. Вместе с двумя товарищами (исключенными из университета студентами Баракки и Лейдлером) издавал

¹³⁴ Там же, л. 21.

¹³⁵ Там же, л. 35.

¹³⁶ Там же, л. 121, 135.

¹³⁷ Там же, л. 100.

¹³⁸ Там же, л. 99.

¹³⁹ П. Симонов. Три с половиной года... С. 65.

ежемесячный журнал «Пролетариат»¹⁴⁰. Баракки и Лейдлер – это Гвидо Бараччи и Томас Лейдлер (*Guido Baracchi, Thomas Laidler*), ставшие в 1920 году одними из основателей КПА.

Другая, не менее иллюстративная фраза: «Продолжал нелегальную работу по развитию коммунистического движения, укреплению организационных основ КПА».¹⁴¹

Проблема заключалась в том, что с самого своего возникновения это движение оказалось расколотым, и к этому расколу Симонов приложил руку. Ни в его отчете, ни в письмах или готовившихся им документах открыто не говорилось, в чем коренились противоречия, истоки конфликта. Лишь в отдельных случаях он давал понять, что поддерживавшаяся им фракция носила массовый характер, была нацелена на взаимодействие с другими отрядами рабочего класса, отстаивала социальные и экономические интересы широких слоев трудящихся, а конкурентам была присуща сектантская ограниченность. Вообще же многое объяснялось соперничеством за лидерство, идейные расхождения имели подчиненное значение.

Симонов опирался на профсоюзы, уцелевших активистов ИРМ, членов других организаций, считавших себя социалистами. Многие из них входили в Австралийскую социалистическую партию, образованную в 1907–1908 годах. К моменту описываемых событий она в значительной мере утратила свое влияние и готовилось ее преобразование в КПА. В октябре-ноябре 1920 года АСП созвала в Сиднее конференцию левых и социалистических организаций и группировок, объявивших о создании новой партии.

В письме Чичерину от 3 ноября Симонов докладывал о результатах конференции как этапном моменте своей деятельности. Писал о том, что «секретно» компартия существовала и прежде, но только теперь почувствовала себя «довольно сильной», чтобы «выдержать все атаки», и вышла из тени. Подчеркивалось ее отличие от таких социалистических организаций, как Социалистическая партия Виктории (СПВ) и Социалистическая рабочая партия (СРП), которые ратовали за идеологическую чистоту, теряя позиции в массах. Эти организации Симонов сравнивал с религиозными сектами, указывая на принципиально иной характер КПА, активно работавшей в профсоюзном движении и располагавшей там сильными позициями. При этом он восторженно отзывался об АСП, составившей костяк компартии¹⁴². Можно представить его разочарование и потрясение, когда меньше, чем через месяц предводители АСП коренным образом изменили свои подходы. Возможно, их рассердило то, что они были недостаточно полно представлены в руководстве КПА. Так или иначе они решили сформировать свою, параллельную компартию.

После случившегося Симонов по-новому расставляет акценты и характеризует АСП уже однозначно негативно:

«Это движение (коммунистическое – авт.) демонстрировало силу слияния наших групп и потому решили объявить их коммунистической партией, напечатав и выпустив манифест и программу нелегально и без адреса, но указав, что в скором времени Центральное правление созовет кооперацию всех групп во всей Австралии открыто. Центральным правлением было условлено считать без выборов сиднейскую, самую активную группу. Это обеспокоило существовавшую социалистическую группу, остаток когда-то большой Австралийской социалистической партии. Чтобы предупредить ту предполагаемую конференцию, созываемую Коммунистической партией, Австралийская социалистическая партия поспешила сама созвать такую же конференцию. Конечно, на эту конференцию попало много наших групповцев. Все, по-видимому, шло великолепно. Была организована объединенная Коммунистическая партия, просуществовала она таковой месяц и десять дней, и вдруг безо всяких

¹⁴⁰ АВПРФ, ф. 04, оп. 04, п. 21, д. 298, л. 22.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 7, л. 36–37; АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 6, л. 14 об.

объяснений или уважительных причин Австралийская социалистическая партия выходит из нее и объявляет себя Коммунистической партией»¹⁴³.

Та компартия, в которой верховодили сиднейцы и Симонов, оказалась более жизнеспособной. «Она добилась солидного влияния в профессиональных союзах. В самом крупном рабочем центре, в Сиднее, в Совете делегатов профсоюзов, в числе 120 делегатов, представляющих 120 тыс. рабочих, 31 член из Коммунистической партии, и в правлении Совета из 12 – 3 члена партии, включая и секретаря»¹⁴⁴.

Параллельную КПА возглавил генеральный секретарь АСП А. Риордан. Помимо прежних членов АСП, в нее вошли небольшие социалистические партии и организации (СРП, СПВ и др.). В пропагандистском запале Симонов подчеркивал их ничтожество («мелкая кучка»), что, вероятно, было преувеличением¹⁴⁵. В каких-то случаях он вынужден был признавать, что параллельная компартия «делает много вреда»¹⁴⁶, и косвенно это свидетельствовало о ее возможностях.

Сторонников Риордана Симонов именовал «упрямыми и глупыми догматиками», правда, проявляя снисхождение в отношении тех «чистых» и «правильных» товарищей, которые вошли в эту компартию по недомыслию¹⁴⁷. А вот для примкнувших к ней заклятых врагов Симонова из диаспоры никаких скидок не делалось. Теперь Симонов называл их не только «групповцами» и «Организацией 15», но еще и «Греевской организацией». Главную роль в ней играл эмигрант-социалист П. И. Кларк¹⁴⁸, известный в Австралии под псевдонимами «Джон Пол Грей» и «Иван Грей».

Личностью он был заметной. В свое время вместе с Ф. А. Сергеевым собирал деньги в помощь забастовщикам на сахарных плантациях Квинсленда, принимал участие в борьбе за свободу слова, арестовывался австралийскими властями. Вскоре после революции, комментировав Симонов, «этот обладатель стольких имен» переехал во Владивосток и там занял какой-то «видный пост»¹⁴⁹. Пост действительно был не маленьким. В 1919 году Грей-Кларк входил в Забайкальский ЦИК и Сибирский совнарком. После временного падения Советской власти на Дальнем Востоке перешел на нелегальное положение и в конце 1919 года вновь эмигрировал на пятый континент. Там и вступил в конкуренцию с Симоновым за право играть «первую скрипку» в КПА.

Он снова отбыл в Россию в конце 1920 года, стал министром и депутатом Народного собрания Дальневосточной республики (ДВР), контролировавшейся большевиками. Но сторонники Грей-Кларка в Австралии продолжили свою деятельность, направленную против Симонова. Вот что писала газета «Знание и Единение» (№ 66 от 26 апреля 1921 года), контроль над которой удалось сохранить непризнанному консулу: «Наши „идейные“ товарищи-оппозиционеры, кажется решили отныне и до Второго Мессии не оставлять Союз Р. Р.-К. в покое. Группа П. И. Грей-Кларка получившая право на самостоятельность (после его отъезда на Дальний Восток) никак не может привыкнуть к состоянию преждевременной зрелости...»¹⁵⁰.

Греевцы обвиняли СРР-К «в страшном анархизме, индустриализме, синдикализме сверх коммунизма», а сами, по мнению газеты, превратили «идеи коммунизма в мишень

¹⁴³ АВПРФ, ф. 04, оп. 4, п. 21, д. 298, л. 23.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же, ф. 65, оп. 2, п. 1, л. 6, л. 14 об.

¹⁴⁷ Там же, л. 14.

¹⁴⁸ Кларк, Павел Иванович (1863–1940).

¹⁴⁹ АВПРФ, ф. 04, оп. 4, п. 21, д. 21, л. 12.

¹⁵⁰ АВПРФ, ф. 04, оп. 4, п. 21, д. 298, л. 14 об.

достижения личных целей». Несмотря на это, руководство Союза убеждало раскольническую фракцию в необходимости объединения. Впрочем, этого так и не случилось¹⁵¹.

Создавая или способствуя созданию КПА, Симонов широко использовал организационные возможности СРР-К и газеты «Знание и Единение», которая стала органом КПА в Квинсленде. Эмигрантский «Союз» вошел в партию на правах брисбенского отдела. На сохранившихся в архиве статьях из «Знания и Единения» (возможно, были привезены в Москву Симоновым) сделана от руки поясняющая надпись: «Приложение к органу Брисбенского отдела Коммунистической партии Австралии».

Симонов поддерживал тесные контакты с генеральным секретарем сиднейской КПА У. П. Эрманом, принимал участие во всех ее мероприятиях и рассчитывал на понимание и содействие со стороны Коминтерна. В апреле 1921 года в письме в ИККИ он подчеркивал свой вклад в австралийское коммунистическое движения. Именно он, утверждалось, формировал «независимые группы в Мельбурне, Брисбене, Ньюкасле и Сиднее, чтобы впоследствии объединить их в рамках единой коммунистической партии. Акцентировалось, что он «лично руководил этими группами»¹⁵².

Можно себе представить, как был раздосадован Симонов, узнав, что прибывший в Австралию весной 1921 года эмиссар Коминтерна Джон (Пол) Фримен отдал предпочтение компартии Риордана. Симонов сравнивал этого деятеля с Хлестаковым, считал авантюристом, человеком недалеким и поверхностным. Тем не менее, в Коминтерне ему доверяли как борцу, подвергнутому преследованиям буржуазных правительств.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² 8 April 1921, Simonov: to ECCI concerning an 'All-Australian Socialist Organization'. In Russian, manuscript and typescript copies. Trans. by KW // http://press.anu.edu.au/oul/mobile_devices/ch01s09.html. – РГАСПИ 495–94–6.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.